

Урина Ален

ДРУГАЯ БЕЛАЯ

Ирина Аллен
Другая белая

«Литературная Республика»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Аллен И.

Другая белая / И. Аллен — «Литературная Республика», 2015

Несколько слов – и вот уже высветилась и ментальность России, откуда родом героиня... и ментальность других стран... и Англии, где в конце концов осела-обустроилась героиня и – как всякая женщина! – сумела обжить-приспособить чужую среду под себя. Не приспособиться к ней, а именно приспособить под себя. Как и чем? Похоже, абсолютной естественностью поведения, соответствующего не столько среде, сколько природе собственной природы, – и среда в конце концов была вынуждена адекватно реагировать, ответить приятием... как природа принимает упавшее в землю зерно. Героиня – слабая, но такая сильная! «Жизнестойкая», как скажет ей один из собеседников. И видишь, что да. Именно так. Может быть, потому что всегда оставалась собой «в любых предложенных обстоятельствах»?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Аллен И., 2015
© Литературная Республика, 2015

Содержание

Зимний вечер	5
1. Все началось в прошлом веке	7
2. Малые голландцы	11
3. Белг из племени белгов	17
4. Просила? – Дано тебе	24
5. Паломница в Европу	29
6. «На прощанье – ни звука...»	35
7. Евроремонт	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Аллен Другая белая

Зимний вечер (Вместо пролога)

Январь 2010

Снегу выпало столько, что маленький уютный городок на юге Большого Лондона стал похож на Москву... если смотреть только под ноги. Марина смотрела-смотрела и всё-таки подскользнулась и упала. Нет, не похож их Бромли на Москву. Там как-никак есть опыт чистки тротуаров от снега, здесь – никакого. Поднялась на второй этаж – здесь он считается первым – открыла дверь и позвала: «Тони». Ни звука. Посмотрела в окно на стоянку – и машины нет. Значит, ещё в дороге, а ведь уже час, как должен быть дома. Порылась в сумке и из-под пакетов с покупками вытащила мобильный, пульсирующий сообщением: «Стою в пробке». Значит, можно не спешить с ужином, который здесь обед. Пошла по коридору в самый конец, где был её маленький кабинетик с компьютером.

...Свою новую квартиру они полюбили сразу. Вначале за простор и пустоту – твори, выдумывай, пробуй! – а потом уже за то, что сотворили. По мотивам их любимого *ар деко*. Но деньги кончились. Фантазию пришлось обуздать. А не привыкла! Девиз у неё всегда был: «Что это за желания, если они совпадают с возможностями!» Прошлой осенью бросилась искать хоть какую-нибудь работу поблизости. Задумалась: «Как бы было хорошо, если бы меня взяли в тот магазин за углом, ну и что, что работа нудная, – всё-таки какой-никакой доход. Вежливые люди – прислали письмо на фирменном бланке, мол спасибо за то, что выбрали нас, ценим, но. В "Ann Summers" не взяли, слав-богу...» Объявление о вакансиях магазина Марина увидела осенью, быстренько принесла им свое CV¹ с перечислением всех должностей и учебных заведений, включая аспирантуру. Не ответили даже.

Потом Тони спросил:

- Ты вообще знаешь, что это за магазин?
- Конечно. Магазин женского белья.
- А ты когда-нибудь вниз спускалась?
- Нет, мне и наверху там ничего не нравится.
- Ты бы всё-таки спустилась, прежде чем документы нести, – секс-шоп это!
- Секс-шоп?! Is it? Their loss!²

Было – и сейчас есть – одно место, куда бы Марину взяли, и рады были бы ей, но далеко: каждый день ездить она не осилит.

Всё, что ни делается, – к лучшему. Дома хорошо. Купила книгу национальной английской кухни. Существует ли такая? Если смотреть с континента, то, может быть, и нет, но, если изнутри... А пудинг? А *steak & kedney pie*³? А *fish & chips*⁴, наконец?! Пробовала писать.

¹ Сокр. от «Curriculum vitae» – биография (лат.) В современном деловом языке – резюме.

² «Правда? Их потеря!» (англ.)

³ «Говяжий пирог с почками» (англ.)

⁴ «Рыба с жареным картофелем» (англ.)

Сочинила сказку для внучек. В духе готических страшилок. Сын сказал, что дети малы ещё для такой прозы, но сам он читал с интересом – много познавательного.

Марина открыла *laptop* и напечатала: «В начале нынешнего века в один из морозных февральских дней.» Стёрла. Почему февральских? Разве в феврале всё началось, и разве в этом веке? Всё началось в прошлом веке. Что, и об этом писать? Давно не вспоминала.

1. Все началось в прошлом веке

Октябрь 1996

Земную жизнь пройдя до половины, Марина узнала, что живёт не там, где надо. Она и сама давно мечтала перебраться из своего оврага в Черёмушках поближе к центру, где работала, но молодая богемного вида ясновидящая имела в виду другое: не то место на планете.

– А где мне надо жить? – голос сорвался и дал петуха.

– Море... остров – это Англия! Где-то в том районе, и всё у вас будет хорошо! – закончила ведающая, отрываясь от хрустального шара и поправляя позвякивающие на груди цепи.

– А сглаз?

– Нет никакого сглаза. Энергетика у вас добрая и сильная, я ещё в коридоре, когда проходила мимо, почувствовала. Подумайте, над тем, что я сказала. Поблагодарив, Марина вышла из здания научной библиотеки, где занималась, и где в маленькой комнатке под самой крышей за вполне умеренную плату жаждущие и нетерпеливые получали знания, которые не могли отыскать в мудрых книгах. Вообще-то, она пришла спросить о другом, но поставленный «диагноз» так озадачил, что она забыла, зачем пришла.

...Золотая осень, любимое время года, – хорошо на бульварах. Марина шла к троллейбусной остановке, под ногами – мягко от листьев. Скоро их смоеет дождь, а потом всё укроет снег и лёд на полгода. Она любовалась многоцветьем вокруг, и думала: «Поменять район на планете – это потруднее, чем поменять его в родной Москве, хотя, возможно, и дешевле. Англия! С моей диссертацией по истории Англии эпохи раннего феодализма. Оксфорд, жди меня! Хорошо бы уехать, но это из разряда пустых мечтаний, и у меня и так всё хорошо, грех жаловаться: мужа в семью вернула, ребята – студенты хороших вузов».

Подошёл троллейбус, она села и поехала на Мосфильмовскую, где в однокомнатной квартире жили её мама и бабушка. Там ей обрадовались, но от телевизора не оторвались: известные астрологи, муж и жена, вещали, что век грядущий всем готовит. Водя рукой по какой-то карте, астролог-жена вдруг запнулась, потом в недоумении развела руками и обречённо молвила:

– А здесь, я просто боюсь произносить, в начале столетия должно произойти что-то ужасное, какое-то наводнение, затопление. Я вообще не вижу этот остров на карте в следующем веке. Она имела в виду Британию.

Марина засмеялась. Бабушка немного обиженно произнесла:

– Не понимаю, чему ты смеешься? Ты ведь знаешь, как твой прадедушка любил эту страну.

Марина знала эту семейную историю. Прадедушка – поляк, высланный в Сибирь за участие в Январском восстании 1863 года, там не растерялся и начал торговать отборными сибирскими молочными продуктами с самой Англией. Удивительно, что в годы, когда весь семейный архив был сожжён в печке, один документ сохранился. Это был некролог в газете маленького сибирского городка от февраля 1917 года, где с большим уважением перечислялись все заслуги прадеда перед отечеством, в том числе – деловые и дружественные связи с Британской Империей. И ещё в семье жила легенда, что в 1919 году, когда шла гражданская война, к вдове прадеда каким-то чудом добрался его английский друг, чтобы вывезти её с малыми детьми в свою страну. Но прабабушка, родившая одиннадцать детей, – большинство из которых уже повзрослело, и было разбросано по городам и весям России, – категорически

отказалась уезжать, даже во имя спасения трёх, живших с ней, младших детей. Бабушка Марины была самой младшей из них. Так и остались в Сибири. Отец Марины – тоже сибиряк из крестьянской семьи. Только после войны будущие родители Марины переехали в Москву учиться, где и встретились.

– Бабуся, но мы же здесь. Участь стать подданными Британской Империи нас миновала. Мы не уйдём под воду, как Атлантида.

Бабуся улыбнулась и, хитро прищурившись, спросила:

– Ты скажи мне, когда стареть начнёшь? Где твои морщины?

Марине исполнилось сорок четыре года. Ненатуральная блондинка роста Венеры Милоской – сто шестьдесят четыре сантиметра. Всю жизнь, знакомясь с новыми людьми, она слышала слова: «Вы мне кого-то напоминаете». Она напоминала всех примелькавшихся блондинок, включая рыжих, вместе взятых. Только после сорока сравнивать перестали: Марина заслужила своё собственное лицо. Двадцать четыре года она была замужем за одним и тем же мужем-инженером. Восемнадцать лет проработала в одном и том же музее. Четыре последних года она была влюблена. В женатого мужчину, живущего за тридевять земель.

Зима 1992

В новогоднюю ночь Марина обнаружила, что у мужа роман на стороне. Можно было бы и раньше догадаться: он переселился в «большую» комнату, якобы, чтобы смотреть телевизор допоздна, часто не возвращался домой, объясняя это тем, что уставал в дороге и оставался в общежитии. Она не догадывалась потому, что в своём долгом замужестве привыкла быть одна: муж работал далеко, уходил из дома рано, возвращался поздно, подолгу пропадал в командировках, откуда не звонил. Отношения у них были дружеские. Мужу Марина никогда не изменяла, и сама его не в чём таком не подозревала. Оказалось, напрасно.

Чуть пьяная и весёлая от шампанского она подняла телефонную трубку, чтобы поздравить подругу, и застала конец явно любовного разговора мужа по параллельному телефону. От обиды сразу протрезвела: он даже не потрудился скрыть свою связь и разговаривал прямо из дома.

...Промучившись неделю, она назначила ему свидание в фойе одного из московских театров, сказала, что любит и хочет, чтобы он вернулся в семью. Он вернулся на следующий день. Марина подозревала – с явным облегчением: она всё за него решила, кончилась его жизнь на два дома.

Примирение было страстным – тело истосковалось. В сорок лет «основной инстинкт» ещё требовал своего. Они даже позволили себе недолгий медовый месяц на берегу моря в промозглой январской Эстонии, где каждый вечер отогревались в сауне. Вернулись и стали жить, как прежде. Марина особенно и не винила мужа: вся её жизнь без остатка была заполнена сыновьями, работой и бытом – из дома на работу, с работы через магазинные очереди или библиотеки – домой. Для мужа оставалось то, что оставалось, – то есть почти ничего. Если ему удалось урвать кусочек тепла и чьей-то любви, – ну, его счастье.

Но что-то, всё-таки, изменилось в ней после этого. Неистово захотелось любви. Не любовника, не другого мужа – бож-упаси, что-то разрушать! – просто, чтобы была эта волнующая тайна в её жизни. Мужчина мечты «по умолчанию» должен был быть нездешним. Не инопланетянином, конечно, но и не соотечественником. Последних она слишком хорошо знала. Не было между ними и ею той необходимой дистанции, куда могло бы втиснуться хоть какое-то эротическое притяжение. Какое притяжение может возникнуть в набитом вагоне? Одно желание высвободиться. Когда она оставалась дома одна, страстно со слезами молила кого-то: «Пошлите мне любовь, мне это очень-очень нужно, я жить без этого не могу».

Март 1992

Накануне Женского дня в доме зазвонил телефон. Старший сын поднял трубку и сразу перешёл на английский. Потом, прикрыв трубку ладонью, шёпотом спросил:

– Мама, это бельгийцы из моей группы. Просят разрешение остановиться на один день. Можно?

– Конечно, что за вопрос!

Фантастическое это было время. Сыновья – студенты. Начались студенческие обмены. В их скромной квартире жили по месяцу и студент из Чикаго, и мальчик из Голландии. Прошлым летом старший сын работал переводчиком в группе голландских и бельгийских учителей, плавал с ними в круиз по Волге. В конце путешествия, когда вернулись в Москву, привёл голландцев к ним домой. Вот уж было веселье! Бельгийцы тогда не пришли: предпочли ансамбль русского народного танца.

Теперь и с ними познакомимся!

С утра сын поехал на Казанский вокзал и к полудню привёз бельгийскую пару. Марина смотрела из окна своего пятого этажа, как высокий мужчина и почти такая же высокая женщина с трудом выбирались из маленькой «шестёрки». Заработал лифт, услышав это, она повернула ключ и стала в дверях. Гости вышли на этаж, и... что-то странное произошло: она и бельгиец встретились глазами, вспыхнул светящийся луч, и острая боль пронзила её сердце.

Гости вошли, сын представил их: Марта, Мартин. Мартин был, безусловно, хорош собой: высокий широкоплечий брюнет, чуть смугловатое лицо, тёмные глаза и брови – похож на испанца. Корсар! На вид – лет сорок с небольшим. Его жена с совершенно седой головой и короткой стрижкой выглядела старше.

Марина ставила в вазу подаренные ей тюльпаны, накрывала на стол, но боковым зрением не упускала Мартина из виду. Она чувствовала, что и он, разговаривая, обращался в основном к ней. За столом речь, конечно, зашла об августовском путче, о том кто и где был в те дни. Марину до сих пор не покидало воодушевление того солнечного августовского дня, когда Большой каменный мост, под которым ещё позавчера стояли танки с раскосыми подростками-солдатами, был открыт для пешеходов, и она впервые в жизни чувствовала себя одной крови с соотечественниками. И была благодарна Мартину за напоминание. Заговорили о работе. Она вдруг начала серьезно посвящать гостя в то, что её занимало и волновало, и он понял – более того, подтвердил верность её мыслей примерами из своей практики, хотя, казалось бы, что могло быть общего у преподавателя математики и музейного работника!

Мартин рассказал, что до прошлогоднего путешествия на теплоходе уже бывал в Москве и Ленинграде раз пять-шесть, привозил группы учеников. Не все учителя охотно ехали в Россию, а ему всегда нравилось.

– Знаете, какое у меня было любимое место в Москве? ГУМ.

– ГУМ? В советское время? Что же там было интересного, кроме очередей?

– А я и любил смотреть на эти очереди. Поднимался на второй этаж, на мостик, и смотрел вниз. Мог часами стоять – так интересно было.

Марине это признание не понравилось: «Не комплексы ли какие вы лечить приезжали, Мистер-из-далёких-стран? Может быть, скучновато жить в благополучном мире, а так посмотришь на чужое неблагополучие, – и глядишь, начнёшь ценить то, что имеешь. Такая вот терапия: тебе не очень сладко, а многим, очень многим ещё хуже». Своё предположение она, конечно, не озвучила. Сама она в ГУМ того времени ходила только при крайней необходимости, в отдел тканей, да и то выбирала время перед закрытием, когда народу почти не было.

В середине апреля Марина собиралась в Голландию, виза в Бенелюкс была получена. Сказала об этом гостям, те в два голоса:

- А в Бельгию собираетесь?
- Нет, в Бельгию как-то никто не пригласил.
- Мы вас приглашаем: быть в Голландии и не увидеть Бельгии!
- Спасибо, с удовольствием.

Жаль было прерывать разговор, но на вечер были куплены три билета на «Жизель». Гостям надо было немного отдохнуть. Потом сын повёз их в театр.

Муж уселся перед телевизором. Марина начистила картошку, вынула из холодильника уже почти размороженное мясо, присела отдохнуть. Внешне она была спокойна, но внутри... такой напор страстей, что еле сдерживалась, чтобы не совершить какую-нибудь глупость – заверещать, как вождь краснокожих, или запеть в голос: «В этой шали я с ним повстречалась!» Марина открыла кран и начала мыть посуду – это всегда успокаивало и помогало собраться с мыслями. Шум воды заглушал её тихий разговор с самой собой (она предпочитала такие разговоры телефонным излияниям): «Неужели это ответ на мои мольбы... *просите и дано будет вам?* Если так, мой ангел-хранитель что-то уж очень расстарался. А если это дела не ангела, а его вечного антипода с левого плеча?! Мол, просила? Так вот тебе, что просила, – из стран неведомых, красивый и женатый. Недосягаем – по этой причине в нём не разочаруешься. Люби его и мучайся! Вот и хорошо: предупреждена значит вооружена!» Она закрыла кран.

Часа через два она встречала сына и гостей, вернувшихся из театра.

Взглянула на Мартина мельком – вооружаться расхотелось. И снова за шумным столом – к ним присоединился младший сын со своей девочкой – она и он были одни. Оборачивалась к нему, чтобы предложить «вот этот ещё салат, please.» Это же просто невозможно, чтобы у человека так сияли глаза. Какого они цвета? Должно быть, карие, но Марина видела только сияние под тёмными красиво очерченными бровями.

Утром пришло такси, и бельгийские гости, расцеловав хозяев в обе щеки, уехали.

Тюльпаны, которые Марина приняла из рук Мартина, стояли необычайно долго и, срезаемые, казалось, проживали все этапы своей цветочной жизни – от свежих, как бы застывших в строю цветочков-«солдатики» с одинаково аккуратными маленькими головками и прижатыми к стеблю листьями – до роскошных, полностью распустившихся красных чаш, в буйстве причудливо изогнутых листьев. Каждый день подходила проверить, не осыпались ли? Нет. Застыли в прощальном грациозном танце, но умирать не хотели.

2. Малые голландцы

Апрель – Май 1992 года

Рейс на Амстердам был вечерний, в Шереметьево немногочисленно. Марина летела одна: муж работал в «ящике» и был невыездным. А если бы и был выездным, денег на двоих всё равно бы не хватило. Он провожал, ждали объявления о начале регистрации, и она поднывала: «Не хочу лететь, я ведь этих людей почти не знаю. Целые три недели! Господи, скорей бы пролетели и – домой». В Европу она летела впервые. До этого была только в Индии с группой музейщиков.

Все страхи улетучились в первый же вечер. Из окна самолета Марина видела почти прямую линию из ярких огоньков – как выяснилось, дорогу, пересекавшую Голландию с запада на восток. В аэропорту Схипхол встречали знакомые – Ине и Хенк с розой в целлофане. Они повезли её по этой дороге в маленький городок, почти на границе с Германией. Здесь ей предстояло прожить первую неделю. Хенк был директором сразу двух школ (администрация экономила), Ине – учительницей английского языка. Дома ждали их дети – сын и дочь. Встретили сердечно. Пили ароматный чай у необычного круглого камина, встроенного в пилон посередине гостиной. Было тепло и уютно.

Утром Марина спустилась в гостиную и ахнула: вчера вечером здесь была комната с задёрнутыми шторами, а сегодня стен нет, вокруг зелень сада. Стены, конечно, были на своих местах, но одна из них – стеклянная и раздвижная, вторая с окнами от пола до потолка, а в углу третьей помещалась стеклянная дверь в этот зелёный мир. Через неё Марина вышла в сад, где хозяйева трудились на грядках. Чуть дальше стоял сарайчик, а в нём – разноцветные куры. Натуральное хозяйство: всё своё, «органическое». Кирпичный дом – и тот построен своими руками.

После завтрака повезли посмотреть городок – маленький каменный вымытый, никаких плевков на тротуарах. Культ чистоты, основанный на культуре труда. Нечто подобное она и ожидала, недаром с детства любила «малых голландцев», но одно дело видеть это в Эрмитаже и совсем другое – в жизни. Первая реакция Марины: «Ребята, так не живут, это – не нормальная жизнь, а сцена с декорациями». Голландцы рассмеялись: в этих «декорациях» они чувствовали себя вполне комфортно. Сами себе этот комфорт и создавали, им и гордились. Сияющие чистотой огромные окна, никогда не зашторенные днём, открывали любопытному взору уют и чистоту дома: смотрите, как мы живём, нам нечего скрывать. Вокруг маленькие, семейные магазинчики. У мясника (это довольно грубое русское слово, отягощённое к тому же какими-то неприятными ассоциациями, не подходило молодому приветливому парню) Ине купила небольшой кусочек мяса и получила какую-то марку. В маленькой булочной хлеб, булки, яблочные пирожные, клубничный торт и великое множество аппетитно пахнущих плюшек и ватрушек выпекалось всего двумя людьми, мужем и женой, рано поутру.

После прогулки приехали домой обедать. Ине позвала Марину на кухню и показала лист бумаги, с двух сторон оклеенный марками. Внизу оставалось небольшое место.

– Вот когда я заклею лист до конца и отнесу его мяснику, то получу бесплатно такой же кусок мяса, какой купила сегодня, – с гордостью за свою хозяйственность разъяснила Ине.

Марина мысленно посчитала, сколько месяцев прекрасная голландка приклеивала эти марки, и в душе пророс протест, который она, конечно, оставила при себе: «Да я бы сама заплатила за все марки разом, чтобы только их не клеить! Нельзя же так унижать себя! А думать когда, если все время клеить?»

Если вспомнить, каким беспросветно нищим был быт в родном отечестве, ещё недавно шедшем к построению коммунизма для всех и построившего-таки его для отдельной группы товарищей, то маринин снобизм выглядел, может быть, и неуместным. Но есть же пределы! Да, быт в родном отечестве убог, но бытие бьёт через край. И Марина не уставая пропагандировала их кухонные посиделки и споры о духовном и вечном – под картошку да водку с селёдкой! Здесь, в процветающей Голландии, было, по её мнению, изобилие быта, но дефицит бытия. Общество потребителей, что с них возьмёшь! Скольких маленьких радостей они не имели счастья испытать!

– Вот вы, например, можете почувствовать себя счастливыми, купив четыреста граммов сыра? А если два раза по четыреста? А если три?!

Вопрос застал хозяев врасплох, но Хенк опомнился и расхохотался первым, Ине ещё додумывала...

Правда, и Марине часто приходилось как-то отвечать на нелёгкие вопросы.

– У нас пишут, что русские женщины очень часто делают аборт. Это так? Зачем? Ведь давно уже существуют контрацептивы, у нас в школе подростков учат, как ими пользоваться.

Сказать правду было трудно: Марина и сама ими никогда не пользовалась, и в минуты нечастой близости с мужем думала только о том, как бы не залететь.

Или:

– У нас пишут, что в Советском Союзе очень много детских домов, и они ужасны. Почему?

Марина ничего не знала о детских домах, кроме того, что они, действительно, есть. Один мальчик, который ходил на её занятия в музей, окончив школу, нашёл работу в организации, помогавшей иностранцам усыновлять детей из детских домов. Встретила его недавно – сказал, что всё развалилось, не разрешают вывозить детей за границу: мол, несчастных, нелюбимых, неухоженных сами как-нибудь вырастим, но врагу не отдадим ни пяди российского генофонда!

На следующий день поехали к маме Ине, которая жила в доме для престарелых. (Наверняка на голландском языке это звучало как-то уважительнее.) Мама была ещё бодрой, уверенной в себе дамой. В доме ей принадлежала двухкомнатная уютная квартирка с маленькой кухонькой, которой не пользовались, потому что тут же в комплексе была столовая с отличной, по её мнению, кухней. Они все сходили отобедать – Марину не покидало ощущение, что всё это происходит в хорошей, но всё-таки больнице. В квартире, у двери, была кнопка для вызова медсестры в любое время дня и ночи. Кнопку эту нельзя было не заметить – яркая, на уровне глаз. Окна квартиры выходили на воду – круглый бассейн с фонтаном посередине. И всюду чистота – как в вакууме. Травы не видно, один чистейший камень. Поговорили немного, мама Ине сказала, что не желала бы ни себе, ни кому другому лучшего места в старости. Марина же воспринимала то, что видела, как нечто из разряда коммунистических утопий: всем по потребностям, пища безвкусно-космическая, все в белой униформе, все нечеловечески спокойны, из чувств осталось только одно – чувство глубокого удовлетворения. Скучно, аж зубы сводит! Не лучше ли выползти на коммунальную кухню из своей убогой, но обжитой комнатёнки, сварить кашку и съесть её, привычно переругиваясь с соседкой? Всё-таки жизнь. (Марина знала, что городит чушь, но, дитя коммуналки, самой себе такой стерильной старости она бы не хотела).

По дороге домой Ине рассказывала, какую трудную жизнь прожила её мать, как они голодали в войну. Как она хранила каждый лоскуток на всякий случай, и этот случай никогда не заставлял себя ждать: кто-нибудь из пяти детей приходил домой с дыркой на колене или локте, а что заплатка была другого цвета – кому какое дело? Все ходили разноцветными. Марина спрашивала себя: «А почему же никто из пяти детей не взял мать к себе, ведь дом для престарелых, каким бы он ни был, – это не дом?!» (Ой, не зарекайся и не суди, пока не дожила до маминой и своей старости!)

В один из дней навестили приятелей семьи: он – композитор, бородатый, колоритный мужик, вполне бы мог сыграть Сусанина в немом фильме, она – ангел с венчиком лёгких седых волос над бело-розовым личиком. Возраст пары был непонятен: пятьдесят, шестьдесят лет? У него всё лицо закрывала борода, на её лице – примет возраста не наблюдалось вовсе. Оказалось, жена была монахиней с юности и до недавнего прошлого, а потом то ли была отпущена (может быть, они тоже выходят на пенсию?), то ли сбежала из монастыря, но оказалась она замужней женщиной, влюблённой, по словам Ине, в своего «Сусанина». У этой пары даже и чайку не попили: квартирка была крохотной – один рояль. Ни чайника, ни еды в ней не держали – питались со скидкой в специальной столовой для тех, кто не хотел обременять себя готовкой. Был и третий член семьи – белый кот, который по еле слышной просьбе «мамы» немедленно вошёл в пластмассовую клетку и был заперт до утра. Ни истошных воплей, ни попыток высвободиться из узилища не последовало. Марина вспомнила своего буйного кота – борца за свободу до последней капли её и мужа крови (хорошо хоть, ребят не царапал, может быть, потому, что они его избегали, а тот из гордости не навязывался) – и вздохнула про себя: «Даже коты у них ненатуральные. Может, какой специальной пищей кормлены? И кастрирован он, бедный, конечно...» Дистанция между «жизнью нормальной», в представлении Марины, и жизнью, только что увиденной, была так велика, что, сев в машину, она автоматически перешла на русский язык: «её» голландцы на фоне своих друзей – были уже вполне «своими». Поговорила пару минут, удивилась отсутствию реакции, оглянулась и всё поняла. Рассмеялись. Хенк сказал: «Марина, мы просто наслаждались звучанием русской речи». Тягостное чувство, которое не отпускало в гостях (почему это так её задело – не знала), прошло.

Всю неделю путешествовали по восточной части страны. Марину удивило, что здесь не было городов: дороги, поля и маленькие деревеньки. В воздухе стоял густой запах навоза. Её друзьям это «благоухание» было по душе: запах достатка, запах будущего хорошего урожая. А люди где? Где все четырнадцать миллионов голландцев? Огромное зелёное поле – и только один маленький трактор тарыхтит где-то вдалеке. Люди, конечно, в основном в городах. Её знакомые жили в «селениях» и этим были счастливы. Заезжать в города не любили: надо знать дорогу, да и парковаться негде.

Однажды заехали в самую чащу леса и остановились у длинного двухэтажного дома, который напоминал скорее огромный – с небольшими окошками под самой крышей – амбар, чем дом... и был в своей прошлой жизни триста лет назад. Как оказалось, здесь жила сестра Хенка. Она лежала в больнице после тяжёлой операции, дома ждала свекровь и двое детей-дошкольников. Сестра Хенка с мужем купили и превратили полуразрушенное строение в дом-ферму. Марина сразу же унюхала, что этот «амбар» полон сюрпризов. Справа от просторного высокого холла с огромным резным сундуком, как минимум ровесником самого «амбара», была ферма. Там что-то ржало и мычало, пахло навозом. Огромные из кованого железа ворота (крепость можно ими закрывать!) вели в жилую часть дома. Открывать ворота, к счастью, не пришлось – рядом была обычная дверь. Вошли – зал с потолком не меньше пяти метров и очагом почти во всю стену. Перед очагом – чёрно-белые плитки, синие дельфтские плитки – по краям. Куда ни помотришь – старинный металл: чаши, кувшины, даже тазы. Бронзовая люстра поблёскивала позолотой на потолке. Целая стена из тёмного железа... Так это же те самые ворота с обратной стороны – с засовами, висячими замками! Старинный восточный ковёр перед огромными окнами напротив камина. Молодая ещё бабушка по имени Елена (Хенк успел шепнуть, что его сестра на десять лет старше мужа) в длинном платье и фартуке. Просто Вермеер и иже с ними. Марина сказала об этом Ине. Та воскликнула:

– Как жаль, что Анны-Марии нет с нами! Она была бы очень рада это слышать – этого впечатления она и добивалась. Если бы вы видели, какие руины они с Петером купили!

Пили чай, потом повели детей наверх укладывать спать. В просторных спальнях тоже было полно фантазии и уюта, но уже современного. Марина запомнила четыре нежно-бирюзо-

вых шёлковых шара, свисавших с потолка по углам детской, а на полу – такого же цвета мягкий палас. Посидела с мальчишками немного, пожелала выздоровления их маме.

Елена вышла проводить гостей, было темно, в нескольких шагах от «амбара» стоял маленький домик, одно из окон которого бросало мягкий свет на крылечко. Пряничный домик. Сказка.

– Здесь я живу с мужем, который сейчас в городе, – сказала Елена.

При свете дня Марина и не заметила домик – он был спрятан в лесу. Перед тем, как сесть в машину, она ещё раз посмотрела на дом-амбар, что-то он ей напоминал...

Во время поездок часто останавливались возле кладбищ. Здесь они не были огорожены и походили больше на ухоженные парки: красивые памятники, цветы, нигде ни соринки. «Ну, любительница чётких и односложных определений, что ты на это скажешь?! Это что – быт или уважение к вечному, к человеческому бытию, которое не завершается для других со смертью одного человека?» – в порядке самокритики спрашивала себя Марина. И училась отходить от примитивных формулировок из советской прессы. Помогали голландские друзья с их полным неумением «судить». А ещё одна особенность этих людей, которых Марина так легко записала почти что в мещан, – искренняя радость при встрече друг с другом. Поначалу Марина так и думала: «Страна маленькая, все, наверное, родственники друг другу, иначе как объяснить, что при встречах люди разве что не целуются?» Нет, не родственниками они были, но – голландцами. И как прекрасно все говорят по-английски – везде, в любом магазинчике, в любой кафешке. Голландцев просто учили этому языку в школе – и они его знали.

Марина давно подозревала, что в её стране существовал какой-то план-заговор: вроде бы и учили их языкам, но почему-то никто после этого учения ничего сказать не мог. Даже в «английской» школе, которую окончили её сыновья, учили чему-то не тому. Они «заговорили» только тогда, когда стали общаться с англо-говорящими сверстниками из других стран. «Вот оно! – проснулось в Марине чувство справедливости. – Они здесь всё время обмениваются, дети из разных стран живут в семьях по месяцу, по году, обзаводятся "вторыми", как они говорят, мамами и папами. У детей Ине и Хенка – такие же есть в Штатах, да и у моего младшего сына "вторая мама" – там же. И у меня самой, между прочим, есть "сын" в Америке, в Миннесоте, там торнадо недавно всё порушил, позвонить бы надо...»

Потом пересекли Голландию с востока на запад. Там, у самого Северного моря, её ждала ещё одна семья. Те же вопросы, та же зелень в огромных сверкающих чистотой окнах. Серый песок на пустынных ещё пляжах, море цвета свинца. Неужели в нём можно купаться?! Оказалась, это место было очень популярным курортом. Купания в море Марине наблюдать не удалось, а вот то, как большие группы людей карабкались по песочным дюнам, уходившим у них из-под ног, – на это посмотрела.

– Прекрасные упражнения. Если хотите сердце укрепить или жирок сбросить, – лучше не придумаешь, – объяснила Рут, гостеприимная хозяйка.

Скромный снаружи домик Рут и её мужа, внутри был, однако, шикарным и просторным. В гостиной – огромный белый рояль, натёртый – не лакированный – дубовый паркет. За завтраком стол был накрыт белоснежной хрустящей скатертью. В центре стола – фрукты в серебряной вазе. Тут же из апельсина был выжат сок. Его пили из стаканов толстого стекла. Похоже... на натюрморт «малых голландцев»! Марина протянула руку и потрогала лепесток розы – настоящий? Угадав её немой вопрос, муж Рут, тоже Хенк, кивнул:

– Настоящий. В этом доме искусственных цветов не бывает.

Рут преподавала в местной школе два языка – немецкий и французский. Как же она любила поговорить! Марине была рассказана вся жизнь, раскрыты все секреты и проблемы семьи. Проблемы? В этой игрушечной Голландии?! Да – дети. Две дочери. Одна училась слиш-

ком много, сдала на сертификат экзамены по нескольким иностранным языкам, а результат? Работает секретаршей в итальянской фирме, там же и мужа-итальянца нашла – без всякого образования.

– И что их связывает? О чем с ним говорить! – не могла успокоиться Рут.

Другая дочь после школы отказалась учиться вовсе и устроилась в прачечную. Ни о каких постоянных отношениях слышать даже не хотела, радовалась жизни, меняя любовников. Ох, дети, дети, даже в такой идеальной стране вы ухитряетесь портить родителям жизнь!

Рут умолила Марину взять норковую шубу, доставшуюся ей от швейцарской тётушки:

– Пожалуйста, избавьте меня от неё: здесь это нельзя носить – обольют зелёной краской.

Марина померила – покойная тетушка была явно в другой весовой категории. Но избавила тем не менее: «Жакетик выкрою».

Перед приездом Марины три голландские семьи, в которых ей предстояло жить, распределили между собой «обязанности»: кто за какие достопримечательности отвечает. Рут с мужем отвечали за домик Петра. Знали, что в Заандаме, но отыскивали не без труда, когда Хенк уже начал проявлять признаки раздражения. Марина расписалась в книге: «Здесь была...» Тот, кто был здесь несколькими столетиями раньше, а именно Пётр Первый, привёз в Россию не совсем верное название самой страны. Голландия была и есть лишь частью, провинцией государства Нидерланды.

Поехали дальше – на самый север, который стал землёй всего лишь несколько столетий назад: трудолюбивый народ метр за метром отвоёвывал землю у моря. По дороге – нескончаемые поля тюльпанов. В селении, больше похожем на имевшийся в голове у Марины образ Японии (везде цвела японская вишня) жила семья учительницы и журналиста – Лиз и Петера. Только с их помощью Марина, наконец, увидела города. Наверно потому, что машины у них не было, и они ездили на поезде – уютном и роскошном, как пятизвездочный отель в представлении Марины.

В Амстердаме под «тропическим» проливным дождём проплыли по каналам. Экскурсовод, переполненный знаниями, красочно живописал то, чего не было видно: на трёх языках, причём умудрялся выразить своё отношение к каждому из них (по-английски – с нейтральным уважением, по-немецки – с откровенным неуважением, и совсем иначе по-голландски – по-доброму, как говорят с родственниками из провинции). Марина не понимала ни голландского, ни немецкого – тем интереснее было угадывать. Это её и занимало на протяжении всей экскурсии. В конце «представления» – тоном Остапа Бендера, зазывавшего отдыхающих в Провал, – этот полиглот призвал туристов не скупиться и раскошелиться на «some extra money»⁵. Способность убеждать у него была такова, что послушаться никто не решился, и, покидая лодку, каждый опускал в огромный деревянный голландский башмак европейскую валюту. Марине стала весело, и нахально бросая в башмак не имевшую здесь никакой ценности купюру в десять рублей, она громко сказала по-русски:

– Спасибо. В лучшие времена дам больше.

На что гид ответил. По-русски. Безо всякого акцента:

– На здоровье. Лучшие времена скоро наступят!

После каналов была пицца. Огромная, размером в стол, и вкусная!..

На следующее утро перед работой Лиз зашла попрощаться и протянула бумажку в десять гульденов, чему Марина и не подумала обидеться, потому что понимала: это было сделано от души. Лиз добавила: «Звонил Мартин из Бельгии и просил передать, что вас ждут, но что вам придется делить комнату с гостьей из Англии».

Петер повёз Марину в городок неподалёку, где они обедали в ресторане, что был переделан из дока. На толстенных, чёрного цвета цепях с потолка свисал... настоящий корабль!

⁵ «Немного денег сверх» (англ.)

У Марины от неожиданности и смелости художественного решения захватило дух. Сделали заказ. Семья была небогатая, поэтому Марина предложила те самые десять гульденов, на что Петер, который вчера полночи тащил на себе сломавшийся в дороге велосипед, ответил:

– Бывают дни, когда не тратить деньги, – дурной тон.

Мудро.

Петер посадил её на поезд, идущий через Амстердам до Роттердама, и дальше на юг – в Бельгию.

– Вы будете проезжать Гауду. Знаете, наш знаменитый сыр? – сказал он на прощанье.

Жизнь полна сюрпризов. Если бы Марина могла тогда знать, что пройдёт довольно-таки много времени, и в другой стране она откроет для себя «Гауду» – не сыр, а фантастическую керамику с диковинной росписью, напоминавшей о том, что Голландия была владычицей морской ещё до Британии и познакомила европейцев с искусством Востока. Марина начнёт коллекционировать «Гауду» и однажды купит высокую вазу начала 30-х годов по очень умеренной цене, потому что горлышко вазы было склеено из осколков. Продавец в письме объяснит, что вазу разбил покойный кот, уроженец Гауды. Кот умер, как подчеркнёт не лишённый юмора продавец, естественной смертью, что делало честь его хозяину: «Гауда» без дефектов стоила тогда уже немалых денег. Марина в ответном письме поблагодарит кота за скидку.

Ухоженность и безлюдье. Мельницы и тюльпаны. Гостеприимные голландцы. И ещё удивительно прозрачный воздух. Такой запомнилась Голландия Марине. В поезде на пути в Бельгию она достала тетрадь с записями (готовилась, ведь, к поездке) и прочитала то, что писал голландский ученый Хейзинга:

«Плоская земля без множества высоких деревьев, без массивных руин замков, она являет нашему оку спокойствие простых линий и затянутых дымкой, неясных далей, лишённых внезапных разрывов. Небо и облака, и раньше и сейчас, способствуют умиротворению духа. Неброские города в обрамлении зелёных валов, окружены зеленью, и повсюду, если не роща, то вода, широкая гладь или узкий канал, древнейшая стихия творения, над которой Дух Божий реял в начале мира, – вода, самое простое из всего земного. Неудивительно, что в такой стране и люди отличались простотой и в образе мыслей, и в манерах, и в одеянии, и в устройстве жилищ... Даже благополучие и богатство никогда не стирали этих старых черт всеобщего стремления к простоте...»⁶

⁶ Цит. По Й. Хейзинга «Культура Нидерландов в XVII веке»

3. Белг из племени белгов

Марина вышла из поезда и ступила на землю Бельгии, точнее, её северной части – Фландрии. Мартин и Марта встречали её на вокзале в Антверпене. Поцеловались, Мартин взял у неё тяжёлую сумку. Сели в машину и поехали в их городок, расположенный где-то неподалеку.

Сразу почувствовала – всё другое. Дома вдоль дороги не тянут вверх к небу свои треугольные крыши, а прочно, по-крестьянски, укоренены в землю и смотрят на мир исподлобья – из небольших окошек под почти плоскими крышами. Марина не преминула поделиться этими сравнениями, на что Мартин ответил как отрезал:

– У нас всё лучше!

Заткнулась, приказала себе: «Держи язык за зубами, а!», – почему-то перейдя на кавказскую интонацию.

Голландцы и фламандцы говорят на одном языке, но друг друга не особенно жалуют. «Два народа, разделённые одним языком», – Черчилль сказал о британцах и американцах, но подходило и к голландцам с фламандцами. (Позже Марина узнала, что фламандцы терпеть не могут валлонцев, живущих на юге Бельгии, а французы, ммм... не очень любят бельгийцев и потешаются над ними, примерно, как мы над чукчами. Ну, нет мира под оливами!)

И вот, наконец, Дом, который построил Он. Дом одноэтажный, добротный, большой. Окошки не маленькие, но, конечно, не в полстены, как у голландцев. Мебель тяжёлая, основательная, как будто рубленая из бруса. Подумала, вот и ещё контраст с «лёгкой» Голландией: Манилов – Собакевич. Губы при этом сжала, чтобы не выпустить мысль. И кто бы её понял?! У них не Гоголь, а толстенная в старинном кожаном переплёте Библия лежит на самом виду.

Над низким, сделанным на века, буфетом висело настоящее деревянное воловье ярмо на две персоны – библейский символ супружества. Такой патриархальности Марина нигде и не видела. «Так вот как он живёт! Дом построил, троих детей родил-вырастил, дочь замуж выдал, внуков ждёт. Извечное жизни предназначение...»

Была суббота. К вечеру все вместе поехали на мессу: семья католическая. Удивило, что старый собор переполнен, никакого сравнения с полупустыми соборами Голландии. Марина была совершенно не сведуща в ритуале церковной службы, поэтому, когда Мартин неожиданно встал, пошёл к алтарю, взошёл на возвышение, открыл лежащую перед ним Библию и стал читать своим потрясающе глубоким и проникновенным голосом, она ничего не поняла и застыла, зачарованная. Он не священник, почему он в алтаре?! Его голос возносился к сводам готического собора и уже с тех запредельных высот спускался к ней. «Где он, и где я!.. Если бы я верила! Не так – во что-то и про себя, а родилась бы с верой, как он, как его жена, как все эти люди вокруг, в церковь бы с мужем ходила. Да что уж теперь-то...» Вот он уже и не на возвышении, а бегаёт с корзинкой по рядам, собирает пожертвования, или как это там называется. Вот все начали петь. Марта подсовывает молитвенник со словами. Сама – то все знает наизусть, голосок приятный. «А я что тут делаю? Какое право я имею тут быть?! Туристка! Родилась без веры, труда себе не дала, чтобы веровать, а это ведь труд, и долг, и работа над собой. Диссертацию десять лет вымучивала. Экономика феодализма! Какая экономика без веры?! Между прочим, диссертация-то про то время, когда вот такие соборы строились. Как можно это без веры построить?! Это же человеку не по силам, не соразмерно с человеком!. *С ума схожу. Иль восхожу*⁷... Ушла бы, да не выбраться».

Кончилась служба. Вышли на улицу. Дождь. Хорошо! Опомнилась: «Что это было со мной? Устала я кататься по заграницам – домой хочу».

⁷ Б. Ахмадулина «Прощание».

Домой – в его дом – приехали быстро. О том, чтобы вернуться к лёгкой беседе, Марина и думать не могла. Сказавшись уставшей, ушла к себе.

* * *

На следующий день в городок приезжала группа дам из Англии. Визит планировался давно, но точная дата определилась только перед приездом Марины, которой и предстояло делить комнату с одной из англичанок.

Утром к ней подошла озабоченная Марта:

– Что делать?! Мартин не хочет ехать со мной в аэропорт, говорит, твоя гостья, встречай сама. А я ещё никогда не ездила одна так далеко, я только учусь водить.

Марина сочувственно пожалала плечами и с напускной ленцой потянулась:

– А я запрусь и отосплюсь наконец-то, накопилась усталость.

Ей охватило подозрение: «Хозяин дома хочет воспользоваться правом первого утра? Так просто? Пусть у меня задержка в женском развитии, но этот номер не пройдёт! Вот так романтических дур надо учить: все просто – в койку! Прямо под супружеским воловьим ярмом», – Марина нарочито громко закрыла дверь и повернула ключ в замке.

Мартин действительно постучал минут через десять и весёлым голосом настойчиво пригласил её в гостиную слушать музыку. Марине пришлось встать, одеться, причесаться. Она вошла и села за стол, на котором стояла бутылка вина и два бокала. Что-то шелкнуло, и комната наполнилась страстными гитарными переборами. «Я это очень люблю», – сказал «любовник» и встал за спиной Марины. Она внутренне напряглась, опасаясь его прикосновения. Ничего, кроме неловкости, не испытывала, пожалуй – ещё злость на саму себя: а не ввязывалась бы в этот проект! Через полчаса он вздохнул:

– Я вижу, вы очень устали.

– Да, я пойду к себе, если не возражаете.

К полудню Марта привезла невысокую англичаночку, примерно своего возраста, похожую на учительницу начальных классов. Как выяснилось, «учительница» служила надзирательницей в женской тюрьме. Марине и Джейн – так её звали – предстояло делить одну комнату с белым шкафом, умывальником и двумя узкими кроватями, разделёнными тумбочкой. Марина вспомнила никогда не любимый ею пионерский лагерь и с иронией подумала: «У соседки наверняка другие ассоциации».

Джейн сразу же развесила в шкафу всё содержимое своего чемодана. Когда она вышла, Марина заглянула в шкаф проверить, в порядке ли её собственные костюмчики. Те висели, но не вольно, как раньше, – их потеснили шесть одинакового фасона, но разных цветов юбок в складку и шесть одинаковых, но разных цветов кофточек. Жёлтый, красный, синий, зелёный, голубой, розовый... «Женщина суровой профессии на отдыхе», – хихикнула Марина.

За торжественным ужином Мартин ознакомил всех с планами на предстоящую неделю: с утра он работает, а во второй половине дня – поездки по городам Фландрии. Марина затрепетала от одних названий. Джейн смотрела на Мартина влюблёнными глазами.

И... «на дальнем Западе, стране святых чудес» (А. С. Хомяков, стихотворение «Мечта», 1835 г.) в подлинных исторических декорациях началось театрализованное представление с участием четырёх действующих лиц. Фламандец – обаятельный и неотразимый хозяин дома-страны. Фламандка – преданная жена, во всем послушная мужу. Влюблённая немолодая дурочка-англичанка, над которой и муж, и жена добродушно посмеивались. Какая же роль предназначалась Марине? Она не была статисткой. Она чувствовала, что что-то значила, и без неё весь спектакль развалился бы в одночасье. В старом театре было амплуа «немец». Марина

выступала в амплуа «русская». Ей полагалось ходить за «гидом» и слушать с открытым ртом, что она и делала, – роль давалась легко.

Проехали Фландрию вдоль и поперек: Брюссель, Антверпен, Брюгге, Гент, Мехелен. В Брюсселе долго ходили по главной площади, которую Мартин назвал «Большой Рынок», а Марина про себя – «Великое Соседство». Огромное пространство было огорожено постройками разных эпох и стилей: сплотились – не разорвать! Оставшиеся полдня провели в соборе Святого Михаила. Там Мартин рассказал никогда не слышанную Мариной историю о Святой Гудуле, в честь которой собор был освящён. Что-то из седьмого или восьмого века. Набожная девочка проводила ночи за чтением религиозных книг, но назойливый бес то и дело задувал свечу, а та не ленилась зажигать её вновь и вновь. За своё постоянство в вере она была канонизирована. Её всегда изображают с Библией и фонарём. Глядя на тонкий готический абрис лица святой, Марина думала: «Хорошая девочка, я такой же была в её возрасте – читала взахлёб». Грех, наверно, так думать, но неистребима эта человеческая потребность рассматривать высокое «в призме бытовизма». Себя сравнивать. А, может быть, и не такой уж и грех? Святая помогла ей бабушку, живую ещё, добрым словом вспомнить.

Бабушка работала заготовителем сельхозпродуктов в маленьком провинциальном городке и благодарила судьбу за то, что ей, жене «врага народа», удалось избежать ареста и найти «хлебную» работу. Стендаль, Бальзак, Золя, Диккенс, Куприн, Чехов, Александр Николаевич Островский, Лесков и прочие писатели были знакомы Марине с детства. Подписки на собрания сочинений, бывшие тогда дефицитом, выдавались бабушке в качестве премий.

Посмотрели на остатки романского собора одиннадцатого века через стеклянные окна в полу, потом спустились вниз, где веками хоронили почётных горожан. При реставрации был сделан срез захоронений – останки сотен и сотен людей. Зрелище не для слабонервных... Земля, где время спрессовано, – и всё тут, ничего не исчезло, никуда не ушло.

В Антверпене пошли в Дом Рубенса. Марина не верила своим глазам: художник, на полотнах которого – роскошь цвета, света и плоти, жил скромно, почти как бургер! Чердак небольших комнат, мебель дорогая (тёмное дерево, тиснёная кожа), но простая, основательная, как и в доме Мартина. Она переходила из комнаты в комнату, ей дела не было до того, что сам дом – реставрация. Хорошо бы реставрация всегда была такой: во всём подлинность, достоверность и пища для воображения. И вещей из настоящего дома Рубенса много: картины, книги, утварь, даже кресло старейшины гильдии св. Луки⁸, которое подарили Рубенсу антверпенцы и в котором художник отдыхал от трудов. В этом доме он любил, здесь он играл с детьми, сюда приходили знатные гости, чтобы посмотреть его удивительное собрание картин, и он говорил с ними по-фламандски, испански, итальянски. Роскошным в доме был только Кабинет Искусств – не сейчас, при жизни Рубенса.

И всюду малиновый колокольный звон... Оказывается, «малин» – не от малины, а от французского произношения сказочного фламандского городка Мехелен с великим множеством соборов и колоколов.

Марина была очарована стариной, вернее, она воспринимала её не как старину, а как жизнь, которая не имеет времени. Она пребывала в каком-то волшебном состоянии отсутствия временных границ. Была земля, и в ней всё было *здесь и сейчас*: Мартин, его дом, Рубенс и его дом, узкие улочки и просторные площади, которые являлись своими для фламандского художника и для фламандского учителя.

«Что, и это вневременно?» – засмеялась про себя. Забрели в Квартал красных фонарей. В больших окнах сидели, стояли дамы topless – ни одной привлекательной! Тут уж Марта не выдержала и повернула назад к машине. Джейн нехотя поплелась за ней. В машине обе возму-

⁸ Цеховое объединение художников, скульпторов и печатников, получившее название по имени апостола Луки, покровителя художников, который, как считается, первым изобразил Деву Марию.

щались громко: и по-фламандски и по-английски, а Марина – и что ей в голову игривые мысли полезли?! – с драматической интонацией актрисы из погорелого театра произнесла:

– Горек хлеб их!

На что Мартин, прыснув, ответил:

– Они его обильно шампанским или водкой запивают.

Они были союзниками, а Марта на заднем сиденье снова разразилась гневной речью на фламандском языке, – то ли против их *союза*, то ли против местных нравов. Мартин не перевёл.

Успокоилась она только у необычного готического собора Антверпенской Богоматери. Её английского хватило, чтобы рассказать гостям: древний собор строили два века, но денег, чтобы достроить вторую башню, не хватило, так он и остался с разными по высоте башнями. «Спасибо, Марта, Вы защитили честь и достоинство своей Фландрии, подмоченные кварталом красных фонарей».

Вошли в собор. Тут роль гида взял на себя Мартин и стал показывать полотна Рубенса, которые тот писал специально для собора. Какая чувственность... Христос на кресте – атлант.

– Здесь можно фотографировать, – сказал «гид».

Марина сфотографировала. Его вытянутую руку с указующим перстом. Мартин посмотрел и расстроился – испорчено фото! Марина думала иначе.

Эпизод в Антверпене немного подпортил игру слаженного дуэта хозяев, и в расстановке персонажей произошла небольшая путаница, но всего представления это не испортило. Не могло испортить! Как хороша Фландрия! Как хорош Мартин! Крепкие корни, твёрдая вера, жизнь – как жили отцы и деды, как те фламандцы, которых писали Рубенс и Ван Дейк, а до них Брейгель-Мужицкий и Ян ван Эйк. Ни с одним мужчиной в своей жизни, включая мужа, Марина не провела столько времени вместе. Ни с одним не делила столько счастья узнавания. Побеждена ль? Побеждена!

А он? Даже под пристальным вниманием двух дам – жены и англичанки – Мартин не обделял вниманием Марину. Это ей предназначались мимолётные взгляды, лёгкие, как бы невзначай, прикосновения. Пошли пить пиво в огромный... амбар – или что-то в этом роде. Сорта пива было множество, и каждому, как объяснил Мартин, полагался определённый бокал, кружка, стакан, а иногда и вообще – странная загогулина. Один из этих сосудов издавал при употреблении не совсем приличные звуки. Его-то и подсунули Марине, а потом долго и дружно смеялись над её смущением. Смеяться-то Мартин смеялся, но вот рука его при этом лежала на... нет, не на её колене, но на её плиссированной юбке... очень по-хозяйски лежала. Когда выходили, он пропустил дам вперёд, а сам поотстал и обнял Марину. Как-то она вышла из своей комнаты в узкий коридор, в ту же секунду открылась дверь из гостиной, и Мартин, пошёл на неё, как матадор на быка, не отрывая глаз. Не дойдя одного шага, свернул в другую комнату. «Он играет со мной, дразнит и знает прекрасно эти проделки страсти нежной!» – смеялась Марина про себя. Она и сама была не прочь похулиганить: порой бросала на него мимолётный *женский* взгляд, загадочно улыбалась, а однажды в переполненной пабе – под столетней, может быть, давности столом – слегка, будто случайно, коснулась ногой его ноги. Но самым сильным оружием в её игре была непринуждённая «прохладность». Она знала это и, наслаждаясь лёгким флиртом, думала: «Откуда что взялось? Не бурлит ли во мне кровь польских прабабушек?!»

От обилия дневных, не то что впечатлений – потрясений! – вечером голова шла кругом. К тому же Марина постоянно была голодна. Она видела, что и Джейн недовольна «питанием»: утром пили чай-кофе, днём перекусывали взятыми с собой бутербродами, когда возвращались домой, не ужинали. Она просила чай и кусочек хлеба с маслом. Англичанка однажды потребо-

⁹ М. Цветаева «Была ль любовь».

вала суп, углядев кастрюлю в холодильнике. Хозяйева пили кофе. Кофе перед сном?! Не утерпев, Марина однажды все-таки спросила довольно игриво:

– Что вы собираетесь делать ночью после такого крепкого кофе?

И покраснела.

Мартин, не поддержав её шутку, спокойно пожал плечами:

– Спать.

Ночью во всём доме с грохотом закрывались ставни, воцарялась крошечная тьма. Марина и Джейн оставались вдвоём. Обе не спали. Джейн ворочалась и вздыхала: она влюбилась не на шутку. Марина лежала затаившись, не разрешая себе шелохнуться, и думала: «Похоже, что мы с ней в одной лодке: радости семейной жизни давно забыты и хочется любви». Открыть бы окно, вдыхать запах сирени – всё равно ведь не спала! В конце концов засыпала...

И приснился Марине сон. Она и Мартин шли по лесу. Она была в старой любимой ночнушке, с порванным и залатанным на груди кружевом. Зябко. Время от времени Мартин ставил перед ней ладони, как экран обогревателя, – тепло его рук проходило в самое сердце, но не это занимало её мысли. Они куда-то спешили, и когда впереди появился тот самый дом-амбар, в котором она была с Хенком и Ине, Марина поняла, что спешили сюда. Они вошли, и она сразу стала искать место, где спрятать Мартина, – как будто что-то грозило именно ему, а не ей. Они оказались на самом верху, под крышей, и здесь она сказала: «Сиди тихо», – и набросила на него какой-то серый ветхий платок. Такой же взяла и для себя, и побежала вниз с одной только мыслью: здесь есть подпол, из него можно выйти наружу незамеченной, чтобы не выдать Мартина. Действительно, выбралась наружу, и почти ослепла от белого снега, который лежал под ногами – его же не было, когда входили! Оглянулась – а это целая деревня из похожих амбаров-домов со снегом на крышах. Людей много, все кричат, плачут, собаки лают, она хочет спросить, но к кому бы не подошла – к ней поворачиваются головы без лиц. «Чем же они кричат и плачут?», – спрашивает себя Марина и догадывается: «У них есть лица, только они спрятаны – от ужаса лица опрокинулись!» Вдруг рядом крик становится просто невыносимым: какая-то женщина в таком же, как у неё, сером платке, пытается заслонить своим телом ребёнка, на которого солдат в тяжёлом доспехе уже направил своё копьё... Марина усилием воли вытолкнула себя из этого сна с мыслью: «Какое счастье – это только сон!» Вторая мысль: «А как же Мартин?!» Медленно-медленно, всё ещё пребывая между сном и явью, приходила в себя...

А придя в себя окончательно, поняла, что ей приснилось. Она знала ту деревню. Это её написал Питер Брейгель-Старший в «Избиении младенцев»¹⁰. Новозаветный сюжет он поместил во Фландрию своего времени. И дом похожий она недавно видела в Голландии, даже чай в нём пила. Она была там, среди объятых ужасом фламандцев, и спасала самое дорогое, что у неё было. Но Мартин не младенец. В толковании снов Марина была не сильна, подумала только, что именно дети были самым дорогим в её жизни.

– Марина, вас давно ждут завтракать! – недовольным голосом разбудила Джейн.

«Не любит она меня, и я её не люблю», – всё ещё во власти своего сна подумала Марина.

Общество Джейн тяготило, и в последний день своего визита Марина отпросилась погулять одной. Ей нарисовали план... Шла по узким улочкам, пыталась вообразить, что она местная жительница, что всё здесь ей родное и привычное. Поздоровалась с несколькими людьми, и ей с улыбками ответили. Наткнулась на дверь парикмахерской, там ей вымыли и уложили

¹⁰ Эпизод новозаветной истории, описанный в Евангелии от Матфея, о том, как иудейский царь Ирод, прослышав предсказание о скором рождении Мессии, приказал убить в городке Вифлееме и его окрестностях всех мальчиков, которым ещё не исполнилось двух лет.

волосы – настроение прыгнуло вверх. Зашла в маленькую кофейню, ей тут же принесли чай с вкуснейшими местными булочками и пожелали приятного аппетита. Марина посмотрела в окошко и увидела машину Мартина, проехавшую мимо: «Меня ищет». Вышла, замахала рукой. Он остановился. Села в машину и насторожилась: будут ли предприняты какие-либо действия? Действий не было, он смотрел только на дорогу. *«Не любишь? Не хочешь смотреть? О, Как ты красив, проклятый!»*¹¹.

В воскресенье группа британских дам покидала Бельгию. Вечером перед отъездом говорили об ответном визите бельгиек осенью. Радужный хозяин Мартин с улыбкой произнёс:

– А следующим летом, кто знает, может быть, мы вместе с Мартой приедем в Англию и с вашим мужем на двух машинах поедem куда-нибудь на юг. У Марины сжалось сердце: в его планах ей не было места.

Билет Марины был только на следующую среду.

После отъезда Джейн всё вдруг изменилось. «Что это – смена декораций или конец спектакля?» – всё ещё иронизировала Марина.

Мартин был подчёркнуто деловит и сосредоточен: начало недели, в школе большая загрузка. В очаровательный городок неподалеку Марину повезла Марта. Понравился и городок, и маленькие сувениры – книжная закладка из бельгийского кружева и коробочка бельгийского шоколада. Всё очень мило, но без Мартина – бесцветно. Во вторник он работал до часу дня, а вернувшись домой, предложил никуда не ездить: завтра – в аэропорт. Целый день провели по-семейному спокойно. Посмотрели фильм об истории Фландрии, купленный когда-то давно для детей. Полный трагизма фильм завершился показом картины Брейгеля «Слепые». Библейская притча: «Если слепой ведёт слепого, то оба они упадут в яму».

Комментатор не сомневался, что эта работа художника была призывом к фламандским правителям, игравшим в политические игры с испанскими завоевателями: «Подумайте о судьбе своей страны!»

Помолчали. Мартин сказал:

– Я «Слепых» с детства помню. Дед купил картинку, вставил в рамочку, и повесил над моей кроватью как наказ: будь хорошим католиком, не тянись к плохой компании. Я смотрел, и мне всегда хотелось крикнуть тем, кто ещё не упал: «Стойте! Поводырь- то сам слепой! В другую сторону поверните, пока не поздно». Я в детстве верил, что они услышат.

У Марины перехватило дыхание. Она сделала вид, что рассматривает кассету, а сама думала: «Как ты мне близок»... Она сама – не в детстве, гораздо позже – вычисляла возможность для пятерых, ещё не упавших в яму слепых, остаться в живых: второй упадет точно, он уже падает, но третий, идущий следом, должен же своей палкой почувствовать неладное, остановиться и остановить других.

После ужина смотрели семейные альбомы с фотографиями. Зашёл разговор о том, как познакомились Мартин и Марта. Он, смеясь, сказал:

– Я тут совершенно не при чём: она была моей учительницей, старше на четыре года, и сама же первая написала мне письмо. Что мне оставалось делать? Я был сиротой, в этой деревне чужак, вот и пошли под венец.

В каждой шутке, как известно. Но Марина испугалась, что это признание обидит Марту.

– Да вы же созданы друг для друга, у вас даже имена одинаковые! – она взялась исправлять ситуацию... и покраснела – так фальшиво это прозвучало. Мартин взглянул на неё без улыбки. Но Марта, казалось, обрадовалась поддержке и выдвинула аргумент в свою защиту:

– До того, как я написала тебе письмо, ты похвалил мои волосы.

– Это было, не спорю. Марина, вы можете представить, что эта строгая на вид седая дама была кудрявой весёлой пампушкой? Да вот и фото, посмотрите. Действительно, пампушка...

¹¹ А. Ахматова «Чётки»

Когда стемнело, пошли гулять по хорошо освещённым окрестностям. Вокруг большого зелёного поля для отдыха расположились солидного вида особняки. Три из них, как выяснилось, принадлежали семье Марты: богатой в их семье была она, а не «чужак» Мартин. Он вдруг погрузился:

– Сколько ни живи, а раз не родился в этом месте, своим уже не станешь, и на похороны только семья придёт.

Марине стало его ужасно жалко. Подумала: «Может, он и чужой для этой деревни, но он свой на своей земле, чудесной и многострадальной. Деревня – она "деревня" и есть: за забором леса не видит. Он – Белг из племени белгов!»

...В день отъезда они молча сидели по углам трёхместного дивана. Место между ними пусто не было. Марина почти физически ощущала плотность пространства, заполненного любовью. Её учуял и старый хозяйский пёс Бонзо. На протяжении получаса он совершал один и тот же манёвр: подходил к Мартину, клал морду в его руки, замирал на минуту, потом, обходя журнальный столик, подходил к Марине и делал то же самое. После чего садился напротив, положив морду с большими грустными глазами на журнальный столик, смотрел на них обоих и громко вздыхал по-человечьи. Потом вставал и повторял всё снова.

Появление Марты вернуло их в реальность. Пора ехать. Марта – наверняка счастливая от того, что Марина наконец уезжает, – захотела сделать прощальное фото. «Можно с Бонзо?» Марина наклонилась к умной собаке, утопила руки в его густой шерсти – отдала всю нежность, предназначавшуюся его хозяину, шепнула по-русски «спасибо». Потом повторила это уже громко – для всех, по-английски.

Вернувшись в Москву, знала, что влюблена и не думала сопротивляться – она была счастлива.

4. Просила? – Дано тебе

Ноябрь 1992

В ноябре Мартин привёз в Москву группу старших школьников. Марина ждала его в пустой квартире подруги. Они провели вместе полдня. Как по-разному течёт иногда время! Она жизнь прожила за эти полдня. Столько произошло, столько было сказано, а ещё больше не сказано. Марина изнемогала от любви – ни рук разнять, ни глаз отвести.

– Ты только третья любовь за всю мою жизнь, – шепнул он. Какое слово ты сказал?!

Она услышала только «ты» и «любовь». Мозг работал избирательно: воспринимал и запоминал только то, что ей тогда было нужно. Как выходили из квартиры – стёрлось из памяти напрочь. Как до дома доехала? Это помнила. Он остановил такси, она села, опустила окно, а он держал дверь открытой и всё смотрел, не отрываясь, держал её руку, не давая таксисту тронуться с места. Помнит, как беззвучно, закрыв лицо шарфом, рыдала, как долго стояла в тёмном подъезде своего дома, не решаясь дотронуться до кнопки лифта и войти в свою квартиру – в тот привычный быт, который сейчас казался таким далёким от её жизни. Её жизнь, её реальность – это то, что с ней было сегодня. Она там и осталась – там и с ним.

Он уехал с группой в Ленинград.

Работать, общаться с людьми?! Это было не в её силах. Многолетний знакомый участковый врач, не стал вдаваться в подробности, смерил давление – низкое, очень низкое – выписал больничный. Мартин позвонил из гостиницы. Больше получаса они оба, как в бреду, повторяли слова «люблю, приеду, буду ждать, буду звонить». Положил трубку, она всё ещё держала свою...

Постепенно приходила в себя и начала вспоминать – каждую минуточку вспомнила. То смеялась от счастья, то вдруг охватывал страх: «Он, наверняка, понял, какая я неискушённая в этих делах: то слишком смелая, то совсем неумелая». Через какое-то время снова: «Боже, как я могла задать такой дурацкий и бестактный вопрос про жизнь – жизнь состоялась, перемены невозможны? На что получила короткий ожидаемый ответ: «Невозможны!» Что он о ней думает? Он, конечно, должен сейчас опасаться, что она сделает что-нибудь дурацкое – письмо напишет или позвонит. И как она не сдержала рыданий по телефону?! Мужчины терпеть не могут женских слёз.

* * *

А дальше началось это многолетнее сумасшествие: два раза в неделю в половине четвёртого она заваривала хороший чай и садилась у телефона – ждать. В четыре часа дня раздавался звонок. В трубке было молчание, она произносила несколько фраз и потом молчала тоже. Трубку вешали, а она ещё какое-то время сидела, оглушённая биением своего сердца. Верила – и не верила. Это не могло быть ошибкой или простым совпадением. Когда расставались в ноябре, он спросил, когда она бывает дома одна, и она сказала про два выходных на неделе и про время, когда она уже точно дома. Звонки и раздавались именно в эти дни и в это время. Сумасшествие? Нет. Зависимость? Тоже нет. Это были их свидания: он хотел услышать её голос, она – его молчание. Она даже завела календарь, в котором обводила красным числа и писала время: 4.00, 3.56, 4.03... Сколько таких календарей, спрятанных глубоко в шкафу, накопилось за годы!

Были и другие звонки со словами, разговорами и поздравлениями – в дни рождения, например. Говорил всегда он, но Марта дышала рядом. Эти звонки Марина не любила – не нужны ей никакие поздравления.

Бывали моменты, когда устраивала скандальчики – спектакль одного актёра.

– Ну, из уличной будки почему ты не можешь позвонить, чтобы поговорить нормально?! Боишься, что кто-то из знакомых мимо пройдёт-проедет? Какой же ты невообразимо осторожный, собственной тени боишься!

– А зачем? – она «слышала» его грустный, но твёрдый голос. – Жизнь сложилась, ничего изменить невозможно, так зачем усложнять?

«Скандал» на этом заканчивался:

– О, как вы мудры, мой далёкий возлюбленный!

Марина признавала, что он прав. Пусть живёт, как жил. Ничего от него и не нужно. Всё, что хотела, уже получила. Получила мир полный красок и звуков. Вкусный мир! Просто чай доводил чуть ли не до экстаза. Запах собственных духов волновал, а раньше не чувствовала! Слова песен шли прямо в сердце.

«Ведь порою и молчание...» – томно выводила Клавдия Ивановна Шульженко. «Там. Где. Ты. Нет. Меня.» – раздирала душу Алла. Все про неё! Она не одна в мире!

Август 1993

Летом вынула из ящика письмо, увидела знакомый мелкий летящий почерк, сердце застряло где-то на уровне горла. Корреспонденция от него была, но все открытки с видами, а здесь – настоящее письмо в конверте.

Бросился в глаза двойной «забор» из крестиков в конце письма: поцелуй?

Стала читать: «Спасибо за то, что спасла меня. Попал в больницу, сделали пустяковую операцию (следовало подробное описание), но перед выпиской подхватил инфекцию, был на пороге смерти, уже почти смирился, но вдруг почувствовал волну тепла, что шло от тебя, я это знал... и оно меня спасло. Пожалуйста, не волнуйся обо мне: сейчас я дома, приходит медсестра менять повязку».

Стало ужасно грустно и стыдно: у неё никаких предчувствий и не было, ничего она в его сторону не посылала, как же могла его спасти? Но ведь он не сомневается в ее любви и нуждается в ней – вот что главное! Значит, все её муки, все нескончаемые думы и слезы не напрасны. «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?»¹²

Июнь 1994

Однажды – три года уже прошло с их первой встречи – в день её рождения, когда гости разошлись, раздался звонок:

– Как ты? – Голос звучал близко и искренне, без наигрыша «по случаю», как будто он в кои-то веки был один.

– Ты один?

– Да.

– Где жена?

– Где-то во дворе, – бросил он безразлично, как будто хотел сказать: «Не сторож я ей».

Как бы она хотела рассказать, что думает о нём днём и ночью. Зачем? Благоразумие – вот на чём, как она считала, держится их связь: он уверен в её благоразумии. Не усложнять

¹² Ф. Тютчев «Silentium!»

ему жизнь, ни о чём не просить, ни о чём не спрашивать. В тот раз не удержалась всё-таки, спросила:

– Ты думаешь обо мне, хоть иногда? – её выдавал только чуть дрожащий голос, с этим ничего поделать не могла. Он как-то обречённо произнёс:

– Я люблю тебя.

Оба замолчали. Марина слушала тишину и не хотела ничего другого.

Июль 1995

Им была дарована ещё одна встреча. В июле 1995 года Мартин и Марта остановились на день проездом из той же Казани, где жили их друзья-учителя. Маринины мужчины летом разъехались, она была дома одна.

Гуляли по Москве. Марта – впереди, они за ней. Обменивались короткими фразами.

– Ты всегда со мной. И я с тобой. Два раза в неделю я слышу твой голос, – глядя вперёд, едва слышно, как будто бы про себя, Мартин произнёс то, что Марина знала давно. Он держал её ладонь в своей и настолько «оторвался» от этой земли, что, не видя, перешагнул толстые цепи, ограждавшие автостоянку у гостиницы «Метрополь». Марина счастливо смеялась:

– Куда ты?

Он не понял вопроса.

– Там тупик, хода нет.

Промолчавший охранник стоянки оказался тактичнее Марты, которая, не преминула заметить несвойственное мужу витание в облаках, демонстративно вырвала у Марины его руку и повисла на ней сама.

Вечером они всё-таки уловили момент, когда Марта закрылась в ванной. Мартин подошёл близко, обнял, как будто вобрал в себя, поцеловал, как будто весь вошёл в неё. Существует ли большая близость между мужчиной и женщиной, чем такой поцелуй?!

* * *

Держать в себе неприятности – это Марина умела, но переполнявшее её счастье выплескивалось: поделись! С кем? Самая близкая подруга недавно вышла замуж за искусствоведа, который был намного младше её, лет пять его «выгуливала» – женился, наконец. От счастья подруга была не восприимчива ни к чему другому. На попытки поделиться откликнулась только восклицаниями:

– Ой, Маришка! А мой Никитка тоже...

Ещё одна замужняя приятельница прервала начавшийся было разговор:

– Я сейчас статью заканчиваю, мысли в другом направлении, ты уж извини. Мы с мужем уже много лет – просто соседи по квартире. Радуйся, что у тебя что-то было: на пенсии будешь вспоминать.

Были две университетские подруги: от одной только что ушёл муж, сказав на прощанье, что никогда её не любил. Другая выгнала любовника, которому, как выяснилось, очень хотелось прописаться в её большой профессорской квартире.

– Что б я когда козлов этих к себе подпустила! – выпалила она в трубку, услышав маринин голос.

Марина давно симпатизировала молодой и обаятельной девушке из бухгалтерии. Случилось так, что именно она и стала её душевной подругой. Катя была на семнадцать лет младше, не замужем, но с сердечной тайной, о которой, как позже выяснилось, знал весь музей, – её избранник занимал высокий пост – но не Марина, целиком занятая своим романом. Кате можно было рассказать все, она понимала состояние Марины. Она знала мужчин гораздо

лучше неё и раскрыла ей немало тайн мужской психологии и поведения в любви. Кроме того, она была собачницей со стажем, и подтвердила, что собаки всегда чувствуют хозяина – значит, Бонзо выдал-таки молчавшего Мартина. Как бы пережила своё счастье Марина, если бы не посвящённая в него молодая подруга!

* * *

Время делало своё дело. Любовь не ушла – свернулась комочком где-то в душе. В один из летних дней ноги сами привели ее к католическому собору. Вошла и поняла – это её пространство. Верила ли она? Хотела верить! Много читала – и философов, и учёных-материалистов, ставших верующими, и любимых уверовавших писателей. Через них обосновала для себя наличие Создателя. Поговорила со священником, он предложил начать ходить в собор, чтобы пройти катехизацию. В пасхальную ночь 1998 года Марина была крещена в католическую веру. Каждое воскресенье шла в собор (они уже переехали в самый центр Москвы), несла радость в душе. Ей нравилась молитвенная атмосфера, веками разработанный ритуал. Всегда ждала того момента мессы, когда, следуя словам священника, люди вставали и протягивали друг другу руки со словами «мир вам», причём старались не пропустить никого, кто был в пределах досягаемости. Всё в соборе было пронизано духом уважения к божественному, но и человеческому тоже. Церковь – она же *здесь*, на земле. Церковь во всех конфессиях – модель мира. Западное христианство включает в этот мир и человека, у которого есть своё законное сидячее место. Никто не унижен. Марина отдыхала душой. Ни о чём своём не молила, просто участвовала в общей молитве. Ходила на исповедь: выбирала будние дни, когда в храме было мало народа. Она и священник просто сидели рядом на стульях. Разговаривать в кабинке, не видя лица, Марина не могла. Священник отец Виктор это понимал и сам предлагал менее формальный разговор. Как новообращённая, очень старалась быть если не святее Папы Римского, то хотя бы честной и искренней, поэтому рассказала о своей любви к женатому католику. Отец Виктор осудил, сказав, что ей нужно хорошо покаяться, а вот тот мужчина – плохой католик. С этим Марина согласиться не могла, но не спорить же в соборе!

Спрашивала священника, что такое христианская любовь. Тот отвечал:

– Любовь – это действие. Эмоции – воздушные шарики, мыльные пузыри. Любовь – это жизнь для того, кого любишь, это ежедневные, ежечасные обязанности, это ответственность...
Всё так просто и так недоступно для её любви.

* * *

А в скольких странах Мартин побывал с ней за эти годы! Англия, Италия, Франция... Ему никогда об этом не писала, зачем? Ставить его в неловкое положение? Один он приехать всё равно бы не смог, а видеть его вместе с женой и лукавить? Актёрствовать она не умела.

В музее Родена в Париже не могла отойти от «Любовного треугольника» Камилль Клодель, ученицы и любовницы Родена. Не от того, что в бронзе, тот меньше нравился, а от первого макета, в гипсе. Три фигуры. Посередине мужчина и две женщины по обе стороны. Одна и не женщина вовсе – ведьма старая, отвратительная, обрюзгшая, одна рука в кулак сжата, второй обнимает мужчину за талию, как свою собственность. И что странно – старуху эту мужчина тоже вроде обнимает, по крайней мере, голову к ней повернул. Другую руку он протягивает молодой прелестной коленапреклонённой девушке, а та прижимает его руку к своей груди и смотрит снизу вверх обожающе. Марина, когда это увидела, застыла, не веря, что подвластно было скульптору, пусть и влюблённой женщине, изобразить *это* так, как сама она в своих снах видела. И ведь о Камилль Клодель она до этого почти ничего не знала, так что просто «вспомнить» во сне когда-то уже виденное не могла.

Позвали в автобус, пошла, ноги как ватные, вышла на парижскую улицу: «И Марта не старуха, и ты, душа моя, не девица. Вот Мартин. Знать бы, всё так же он мне хотя бы одну руку протягивает?..».

5. Паломница в Европу

Июль 1999

В начале лета прочитала объявление на доске информации собора: паломничество в древний бельгийский монастырь, автобусом через всю Европу... «Поеду, увижу хоть на пару часов». Позвонила (номер его телефона у неё был всегда, но звонила впервые), спросила Марту, можно ли остановиться на пару дней, договорились о встрече.

Странный это был автобус: небольшая группа паломников – Марина в их числе – и команда молодых спортсменов, направлявшихся в Бельгию на соревнования по спортивному ориентированию. Условия были спартанскими. Автобус ехал почти без остановок, так что «и стол и дом» – всё было в нём. Ноги, постоянно опущенные вниз, отекали так, что утром было больно сделать шаг. На одну ночь их приютил постоялый двор где-то в Германии. Руководитель группы спортсменов предложил ей номер с нешироким ложем, которое, по его замыслу, она должна была разделить с весьма корпулентной дамой. Измученная дорогой Марина, совсем не по-христиански возмутилась:

– Простите, но я традиционной ориентации!

Позже она выяснила, что, отказавшись спать вместе с дамой, нарушила планы этого руководителя, успевшего закрутить роман с молодой паломницей, о чём та ей сама и рассказала, добавив:

– Ничего, мы в Москве своё возьмём.

Следующая остановка была в Амстердаме, у Центрального вокзала, где Мартин должен был её встретить и отвезти на три дня к себе домой. Маршрут их автобуса в Бельгии проходил далеко от его местечка, и встретить её в Амстердаме ему было удобнее. Чем ближе была встреча, тем тревожнее и беспокойнее становилась Марина.

– Вам нехорошо, может быть, хотите воды? – спросила соседка, прервав рассказ об альпийских горках, которые она сооружала на своих шести сотках.

– Я просто очень устала, – тихо отозвалась Марина.

Соседка сочувственно вздохнула, но рассказ продолжила.

Марина не просто устала, она вдруг обессилела до отчаяния. «Зачем я еду? Он не подавал признаков жизни уже почти месяц. Если бы я не позвонила, может быть, так всё бы и сошло на нет, и он исчез бы из моей жизни. Я – как наложница в гареме, всё жду и жду... Чего жду? Нельзя быть такой мазохисткой: ведь знаю же прекрасно, что потом ещё больше будет! Знаю... и иду на это. Боже, как всё глупо... И потом Марта... Я что, стерва законченная? Получается, что так... стерва и есть! Духи французские ей везу, шоколад московский. Вот ведь идиотка: в Бельгию с шоколадом, что в Тулу с самоваром. И вообще... у него наверняка уже другая, он мужчина и не может без женщины... это даже уму непостижимо, что мимо него можно ходить спокойно и не влюбиться...»

Автобус остановился далеко от вокзала – ближе не разрешалось. Одну сумку Марина оставила в автобусе, но и та, с которой собиралась к Мартину, всё равно оказалась довольно тяжёлой: подарки эти дурацкие, пижама, джинсы и прочее барахло. На несколько дней как-никак собиралась. Сердобольная соседка, предложила проводить до вокзала. Какой там: скорей, скорей... Марина бежала навстречу своим будущим страданиям. Пробежав через весь вокзал, в конце концов отыскала платный душ, где была очередь... потом отключился фен... Она выскочила из кабинки с недосушенной кудрявой головой – терпеть не могла свои кудри, всегда феном выпрямляла – и стала орать на добродушного парня за кассой – так, что он

покрутил пальцем у виска. «И он прав, прав, прав», – твердила она на бегу и чувствовала, что близка к истерике.

Выбежала на привокзальную площадь, отдышалась, огляделась и почти обрадовалась: народу столько, что найти друг друга вряд ли возможно. «Вот и хорошо, вернусь в свой родной автобус», – почти с облегчением подумала она, но опять, как в тот самый первый раз, сверкнул луч предзакатного солнца и высветил фигуру Мартина. Больше она никого не видела. Он шёл навстречу по вмиг опустевшей для неё площади. Подошёл, молча прижал к себе и не отпускал, даже не поцеловал. Повёл к машине, и только там они поцеловались. Марина счастливо отметила, что целоваться он разучился.

Выехали из города, остановились у небольшой придорожной гостиницы. Вошли. Он взял ключ, открыл дверь, потом закрыл изнутри. Марина наблюдала молча, сгорая от желания, накопленного в машине. Она прижалась спиной к закрытой двери, почти теряя сознание, ждала. До кровати они всё-таки дошли.

Прошла вечность, пока они смогли говорить. Марина тихо и счастливо рассмеялась:

– Ты заметил, что мы ещё не сказали друг другу ни слова?

– Разве у нас был для этого повод? – ответил он гусарской шуткой.

Потом они стояли под душем, и вода всё лилась и лилась... А потом она молила, чтобы её тело «подольше не кончалось»: он вытирал его медленно и бережно.

Вернулись в комнату, сели на пол – сидячих мест в номере не было, только кровать, на которую оба старались не смотреть во избежание нового «девятого вала». Марина положила голову Мартину на плечо – полное предельное счастье. Наверно, в таком состоянии молодые влюблённые совершали совместные самоубийства... в Японии, кажется. Свершилось. Чего ещё сметь желать от жизни? Но он прошептал:

– Пора.

– Да, пора, – эхом отозвалась она.

– Я к тебе не поеду, – прошептала Марина. Он понял:

– Хорошо. Я отвезу тебя в Амстердам. Ты успеешь на свой автобус? Сумки не забудь, – он перекинул небольшую сумку ей через плечо, задержал на нём руку. Большую сумку понёс сам.

На самом деле автобус уже давно ушёл, но он ей и не был нужен. Она не знала, что будет делать, куда пойдёт, в голове билось только одно: они сейчас расстанутся, и ей уже ничего не будет нужно.

– Не провожай меня до самого автобуса, пожалуйста.

– Да, да, я понимаю.

Марина почти оттолкнула его от себя, выскочила из машины и пошла быстро, не оглядываясь. В голове стучало: «Я тебя никогда не увижу, ты меня никогда не увидишь.» Наткнулась на большой мусорный ящик, напряглась и забросила туда дорожную сумку: «Ничего теперь не нужно. Эх, про подарки-то совсем забыла».

* * *

Очнулась она от яркого солнца и долго пыталась сообразить, где находится. Наверно, в гостинице, но не в той, где была с Мартином. Как сюда попала? Не помнила. Ничего не помнила, кроме того, как выходила из его машины с мыслью о конце своей жизни. «Посплю ещё», – решила... и заснула на сутки.

Проснулась через день, когда стемнело. Приняла душ, хотела переодеться, стала искать сумку с вещами, куда делась? Не было сумки. Ну и ладно. Высыпала всё из маленькой сумочки на простыню. Застыла на мгновение: на этой сумке его последнее прикосновение... «Не надо! – приказала себе. – Итак, что у нас есть в наличии?» Было несколько евро, мелочь, кредитная карточка, две губные помады – дневная и вечерняя, тубик с кремом для лица (главное!), пуд-

реница, маленький пробничек с духами, расчёска. Вполне достаточно, чтобы выйти в люди в приличном виде. Вымыла голову – и пошла. Кудрявая. Костюмчик сидит (пять кэгэ для этого французского костюмчика сбросила). Жизнь продолжается!

Вышла и сразу затерялась в весёлой и не совсем трезвой толпе молодых и не очень людей, определённо побывавших уже в многочисленных кофе-шопах, где официально продавали лёгкие наркотики. Нашла уютный ресторанчик. Ей предложили единственное свободное место: маленький столик на одного, а рядом за таким же столиком – седая дама с бокалом белого вина и крохотной собачонкой на соседнем стуле. Обменялись приветствиями – и с дамой, и с собачкой. Марина заказала бокал красного вина и плотный ужин: забыла, когда последний раз ела. «Завтра с утра пойду смотреть Амстердам, слышала о нём от потомка Остапа Бендера, но ведь так и не увидела тогда, много лет назад, из-за проливного дождя».

Завтра снова было солнце. Марина купила путеводитель по городу, нашла туристическую контору, заплатила за экскурсию по городу.

– Вам на русском языке?

– А можно на-русском?

Молодая голландка изъяснялась по-русски вполне прилично. Она сказала, что разговор у них пойдёт о «золотом» для Амстердама XVII века, когда он стал столицей Голландской Республики.

– Как получилось, что в том веке наша маленькая заболоченная страна на окраине Европы до такой степени продвинулась вперёд во всём, что целое столетие ей не было равных? – она начала свою экскурсию с вопроса.

«Очень грамотно в профессиональном плане», – про себя отметила Марина. Группа – человек пятнадцать соотечественников – заинтересованно ждала ответа.

Ответ голландки был таков: потому что на исторические подмостки, туда, где ещё недавно был король – со своими идеями власти, войн и захвата чужих территорий, – вышел купец. Он стал новым героем, он диктовал, как строить город. Ему не нужны были дворцы, площади и парки. Он хотел удобства и безопасности. У него были деньги, и он получил, что хотел. Больше часа, увлечённые энтузиазмом гида, потомки Петра Первого, любившего этот город, ходили по набережным бесчисленных каналов, рассматривали трёхэтажные дома с островерхими крышами и обязательными прочнейшими крюками под ними (купцы хранили товары на чердаках); заходили во дворы некоторых домов, просторные и ухоженные, внимали рассказам о людях, живших в домах. На прощанье милая голландка посоветовала всем, кто не был, сходить в Рейксмузеум¹³ и обязательно посмотреть «Ночной дозор» Рембрандта:

– Вы увидите кусочек жизни Амстердама того времени и тех голландцев, которые всё это построили.

Её проводили дружными аплодисментами. К Марине подошёл один из одноклассников:

– Зашибец тётка. Может, сходим? Я бы тачку взял.

По виду и речи он был типичным «братком», но, как Марина заметила, слушал и смотрел очень внимательно.

– Жили ж люди! – рассказ гида явно задел его за живое. – Деньги, свобода, всё в ажуре. Никто не трогал. Но и они не зажирались, как наши. Дворцы им по фигуре. А у нас ведь как: бабла навалом, так он Версаль себе бацает...

«И в Версале он был», – про себя отметила Марина.

Его рассуждения были прерваны громкими криками:

– Петро, ты куда делся? Айда, по пивку ударим! – К ним приближалась компания гарных хлопцев, без сомнения не раз уже «ударявших по пивку» в этот день. Марина поспешила ретироваться.

¹³ Государственный Музей Нидерландов, один из крупнейших художественных музеев мира.

«И, правда, что ли в музей пойти, на магазины денег нет – а там, может, кофе удастся выпить?» – рассуждения, не делавшие честь музейному работнику.

Пошла – и пропала там на полдня. Час просидела перед «Ночным дозором», раздумывая над судьбой картины. Амстердамские стрелки её отвергли. Рембрандт создал совсем не то, что они хотели, – а хотели они наверняка доску почёта народных дружинников. За это самолично выкладывали денежки из собственных карманов. Рембрандт добавил случайных зевак, которые, разумеется, ни за что не платили, какие-то ненужные, на взгляд стрелков, детали. Картина висела где-то всеми забытая, чудом уцелела. Но уцелела! Рукописи не горят!

Марина шла, погружённая в свои мысли, и не сразу до неё дошло, что кто-то обращается к ней по-английски:

– Простите, вы случайно не знаете, где Амстел?

Марина увидела перед собой высокого блондина в замшевой куртке и только тогда почувствовала, что погода изменилась, стало холодно и ветрено. Она решила не останавливаться: «Хорошо ему в тёплой куртке вопросы задавать, а у меня зуб на зуб не попадает». Почти уже пробежала мимо и вдруг устыдилась: она ведь знала про реку Амстел, на которой стоял город, ей сегодня об этом рассказывали, а человек, может, приезжий, так и не узнает никогда. Остановилась и стала объяснять, что река здесь, но под землей, вот как раз на месте этой площади.

– Как интересно. Вы, наверное, много знаете. Расскажите, если есть время. Вот и бар рядом, я заплачу за выпивку.

Марина действительно дрожала от холода, и мысль о тёплом месте и о чём-нибудь горячем показалась не просто привлекательной, но спасительной. Они вошли в уютный ресторанчик. Марина заказала горячий шоколад...

– Я заплачу за себя.

– О, конечно, я не сомневаюсь, что сейчас вы мне предложите «пойти по-голландски»¹⁴.

Марина не поняла, а незнакомец захохотал:

– Вы ведь у себя в Англии так говорите. Всё, что смешно и нелепо, у вас голландское. Язык хранит следы былого соперничества на море.

Лестно, когда в столице европейского государства тебя принимают за англичанку, жаль, что порадоваться этому Марина сейчас не могла.

– Я не англичанка, разве вы не слышите мой акцент? И внешность у меня далеко не английская.

– Благодаренье Господу! Да, вы и не похожи на дам с острова. Кто же вы? Можно я угадаю? Француженка? Полька?

– Я русская. Замёрзшая и усталая русская.

– А вы разве бываете другими?...Ой, простите, я сказал глупость. От радости. Если бы десять минут назад меня спросили, чего я хочу больше всего на свете, я бы ответил: встретить привлекательную русскую женщину.

– Десять минут назад, если мне не изменяет память, вы очень хотели узнать, куда делся Амстел.

– Это от застенчивости. Я очень застенчив и не мог придумать ничего лучшего, чтобы вас остановить. Я вообще-то голландец и вырос в этом городе. Позвольте представиться – Виллем. Он приподнялся на стуле.

Марина не знала, смеяться или сердиться. Ни на то, ни на другое настроения не было: только флирта ей в этом городе не хватало.

– Меня зовут Марина. Я сейчас допью свой шоколад, заплачу за него и уйду. Я действительно устала, и мне завтра рано вставать. Скажите только, что значит «пойти по-голландски»?

¹⁴ «To go Dutch» (англ.) – каждый платит за себя.

– У англичан это значит, поделить счёт пополам, чего мне бы очень не хотелось. Я бывал в России, в Москве и Ленинграде, и знаю, что у вас это не принято.

– Не принято.

– А вы не знали, как нас высмеивают англичане? Что такое «Dutch comfort», «Dutch concert»?¹⁵ – Виллем объяснил значение каждого выражения.

– Очень смешно. Спасибо, мне нужно идти. Между прочим, вы правы. Устают и мёрзнут все люди, но только русские выкладывают эту информацию первому встречному.

Пожалуйста, подождите. Я бы не хотел выглядеть в ваших глазах таким nightstalker¹⁶. Это совсем не так! А русскую женщину мне действительно хотелось встретить, потому что толь ко с вами и можно хорошо поговорить: англичанки... ммм... не очень интересны, французенки заумны, немки вульгарны, голландок я слишком хорошо знаю. Я музыкант, виолончелист, репетиции целыми днями, вечером, если не работаю, просто хочется поговорить не о музыке. Не с кем! С семьёй я не живу. К сожалению...

Марина не ушла. Она заказала зелёный чай, разрешила Виллему заплатить (он, смеясь, согласился принять двадцать евро – всё, что у нее было в сумке), а потом они и поужинали вместе в этом ресторане. С ним можно было какое-то время не думать о том, что случилось два дня назад.

– Марина, есть ли смысл спрашивать, можем ли мы провести ночь вдвоём? Sorry, it's «Dutch courage»¹⁷.

– Виллем, вы очень милый, – Марина чуть было не сказала спасибо, но до такой степени эмансипе она, всё же, не была, – но смысла спрашивать нет.

– Понял. Жаль. Но проводить вас до гостиницы я должен из простого человеколюбия и гостеприимства: без моей тёплой куртки вы вернетесь в свою Россию простуженной, и мне будет стыдно до конца жизни.

– Согласна. Интересно только, как вы узнаете, простудилась я или нет?

Сказала, не думая, и сразу же пожалела об этом, потому что Виллем тут же без слов полез в карман за ручкой. Но, к счастью, свет погас. Ресторан закрывался. Марина накинула на плечи куртку Виллема. До гостиницы было недалеко. Расстались у входа, поцеловав друг друга в обе щеки: по-европейски.

Марина подошла к ресепшн, чтобы взять ключ. Ночной портье, – она невольно содрогнулась, вспомнив о фильме, – выдал ей ключ и сказал:

– Мадам, вас ждут в холле.

Марина огляделась. Ей навстречу поднялся плотного телосложения мужчина. Улыбаясь, пошёл навстречу:

– Добрый вечер. Я пришёл спросить, как вы себя чувствуете.

– Спасибо, отлично. Кто вы? Я не помню, чтобы мы встречались когда-нибудь.

– Вы не помните? Вы не помните, что случилось на Центральном вокзале? Вы не помните, кто привёл вас в эту гостиницу?

– Извините, я очень устала, мне надо спать.

Голландец улыбнулся, пожал плечами и пошёл к выходу.

* * *

Автобус катился по Европе почти без остановок. Марина смотрела в окно. Думала не о Мартине, а о том, что с ней случилось после расставания. Что-то случилось, но она не могла

¹⁵ «Комфорт по-голландски» – т. е. никакого комфорта. «Голландский концерт» – т. е. кто в лес, кто по дрова (англ.)

¹⁶ «Ночной охотник» (англ.)

¹⁷ «Простите, это «голландская смелость», т. е. – смелость во хмелю (англ.)

вспомнить что. Она боялась, что и тогда, на вокзале, она не понимала, что делала. Какое-то затмение нашло. Единственное, что могла вспомнить, – это тошнотворный вкус синтетики во рту от пиджака железнодорожного служащего. И ещё – приближающийся поезд. Она хотела прыгнуть под поезд? Этого просто не может быть! Нет, это невероятно, этого не может быть... потому что не может быть никогда! Она же нормальная женщина, (никогда, между прочим, не любила Анну Каренину, эгоистку), у неё сыновья, она не могла и подумать совершить такую подлость. Наверно, ей просто стало нехорошо, а дурак-железнодорожник не понял и стал тащить. Да, именно так и было. Но как она попала в гостиницу? Совершенный провал в памяти. Надо было всё-таки выслушать того голландца, но ей тогда стало очень страшно почему-то... Так страшно стало... Но ведь в гостиницу она попала – не в больницу и не в психушку – значит, ничего такого особенного не случилось на этом Центральном вокзале.

6. «На прощанье – ни звука...»

Вернувшись в Москву, Марина разошлась с мужем. Мартин был здесь совершенно не причём. Это касалась только их с мужем. Сыновья покинули родительский дом – и семьи не стало. Иссякла. Никто не виноват. Хотя, конечно, все родственники и знакомые винили её и только её: не захотела, видите ли, жить, как все живут. «Не так живи, как хочется»¹⁸. А она не хотела так жить, не могла, выше её сил это было: как чужие, сидели по своим комнатам, встречались на кухне. Пыталась себя уговорить, что бывает и хуже: «Да, у некоторых – ещё хуже!». Но разве то, что у кого-то «ещё хуже», может спасти семью, которой не стало?! После работы шла не домой, а в «Макдоналдс», что напротив Центрального телеграфа, – не столько поесть, сколько душой согреться рядом с молодыми, смеющимися, целующимися, загородившись Биг-Маком, студентами (почему-то всех молодых она считала студентами). Но не ночевать же в этом прекрасном заведении! Ещё можно по Тверской вверх пройти, в бывший Дом актёра заглянуть, где сейчас водопад с потолка и уйма разных бутиков... Можно, в конце концов, кино посмотреть в бывшей «России», ныне «Пушкинском»... Но домой возвращаться всё равно надо, хотя ноги и не несли. Как-то набралась смелости и выложила мужу:

– Мы близкие люди, у нас сыновья, но я боюсь стать тебе врагом, если мы будем продолжать жить на одной территории.

Как назло, так недавно вся Москва была афишами заклеена – «Уходил старик от старухи». В театр не пошла, хотя, конечно, Миронова, Глuzский... От афиш отворачивалась: какой кошмар – дожить до старости, и всё ещё в разладе. Разошлись. Разъехались. Продали квартиру, купили две в разных районах. Сыновья помогли маме остаться в её любимом центре. С мужем врагами не стали, остались друзьями... по телефону. Новое тысячелетие Марина встречала одна – видеть никого не хотелось.

* * *

Электронные послания от Мартина Марина получала ещё долго. Она жила уже совсем в другом месте – разыскал. Последнее письмо пришло 14 февраля 2008 года – через шестнадцать лет после их первой встречи. Загруженное из Интернета глупенькое поздравление с Днём Влюблённых имело, однако, «тему»: «I love». Марина ответила. Написала про свою работу, про ребят, про внуков, ничего личного, но почему-то сохранила тему: «Re: I love»¹⁹. Наутро, открыв почту, она увидела сообщение с его адресом, но без обращения и подписи. Пробежала текст по диагонали, поежилась: «Поздравление с Днём Св. Валентина не означает, что кто-то в кого-то влюблён. Это обмен сестринской и братской любовью между христианами». Поняла, конечно, что писал не он. Не ответила, и больше писем не было. Да и она в то время уже была не одна. Будь счастлив, не-мой- муж...

На прощанье – ни звука.
Граммфон за стеной.
В этом мире разлука – лишь прообраз иной.
Ибо врозь, а не подле
мало веки смежать вплоть до смерти.
И после нам не вместе лежать.²⁰

¹⁸ Название драмы А. Н. Островского.

¹⁹ «Я люблю» (англ.)

²⁰ И. Бродский «Строфы».

7. Евроремонт

Марина целиком ушла в работу и благоустройство своей новой квартиры. Жила в состоянии ремонта несколько месяцев. В выходные и после работы ездила по строительным рынкам и мебельным магазинам, благо они были на каждом углу. Строители злились – привыкли делать евроремонты в пустых квартирах. Она им мешала. Каждый день двигали её кровать из угла в угол. Марина уставала так, что вечером не могла ни телевизор смотреть, ни читать – только бы до постели добраться, что и спасало от ненужных мыслей.

Февраль 2001

Понедельник. Что хорошего можно ждать от понедельника?! Подумать только – одна седьмая часть нашей жизни приходится на понедельники! Тёмное утро, за окном пурга, в горле першит.

Дотащилась до работы, выпила кофе, привела в порядок лицо и душу. Звонок:

– Марина, я тебя ищу. – Это была сотрудница из другого отдела, с которой они дружили. – Только, пожалуйста, не говори «нет».

Отказать ей Марина не могла, снова надела сапоги и шубу и пошла на другую территорию, в музей, где приятельница ждала её с англичанами. Больше никого «с языком», чтобы показать музей, найти не удалось.

Показывать музей иностранным гостям – особенно англоговорящим – всегда было для Марины удовольствием. Гости нравились – доброжелательные, настроенные на восприятие. Они не маскировались, как многие соотечественники (особенно из образованцев), показным безразличием, всезнайством или скептической суровостью. Встреча с чудесами делала их счастливыми, они этого не скрывали. А осчастливить кого-то за часовую экскурсию – дорогого стоит! Их отзывчивость окрыляла: благодарная работа! И ещё... Они не боялись зрителей. Даже в те годы, когда зрителями в маринином музее работали серьезные пенсионеры из известной фирмы, и их окрики «не трогать!», «не фотографировать!», «идти по дорожке!» заставляли её вздрагивать, гости лишь комично изображали ненастоящий испуг. «Эманация непомерной нездешней свободы, – Марина не могла найти иного определения для того, что чувствовала, когда общение с "пришельцами" было особенно удачным, – свободы, не наносящей вреда другому. Это то, что невозможно копировать, никакой артист это не сыграет, такими можно только *быть*».

«Посмотрим, что за гости», – думала Марина на бегу. Гостей было двое: средних лет мужчина и его дочь, лет двадцати с чем-то. Оба высокие синеглазые, девушка вот только очень полная – не в отца. Оба были какими-то уж слишком сосредоточенными на чём-то своём, тем не менее смотрели, слушали и благодарили искренне. Управилась с ними за полтора часа и бегом назад, в свой кабинет, где её уже ждали: сама совещание назначила.

Через день приятельница позвонила снова:

– Они приглашают нас в ресторан, пошли, а то обидятся.

Ресторан «Кафе Пушкинъ» был совсем недалеко от дома. Марина любила этот ресторан: в нём праздновали свадьбу старшего сына.

Здесь Марина смогла рассмотреть Дэвида. Хорошее лицо: есть то, что в мужских лицах важнее красоты, – значительность. Правда, есть некий оттенок высокомерия, несвойственного, как она уже знала, его соотечественникам. Волосы очень коротко подстрижены, обнажают красивой формы череп. Гордый, видать: раз уж появилась лысинка, лучше убрать остальное самому, чем светиться. Резонно, но слишком экстремально, на её вкус, – она бы предпочла

остатки волос. Может быть, в Европе это и выглядит элегантно, но в отечественной действительности бритый череп наводит на слишком явные ассоциации.

«И что-то вы на меня так пристально смотрите, мистер?» – Она мысленно погрозила ему пальцем.

Он не угадал её мысли и ответил добром:

– Вы самая знающая женщина из всех, кого я встречал в жизни.

– Нет! – она услышала свой явно нетрезвый и слишком громкий голос, – Я не знаю очень многого! Я ничего не знаю об электричестве, и почему самолёт летает – не имею ни малейшего понятия.

– Но вы и не должны, – с улыбкой ответил он, – ваша область – история, а не наука.

*Работу малую висок ещё вершил...*²¹ Марина перевела, и они с приятельницей дружно расхохотались.

– Вот это вы точно сказали: история – не наука, а продажная девка... кого забыла... вспомнила – политиков.

– Не история, а генетика, и не политиков, а империализма, – подсказал сын приятельницы.

Посмеялись под недоумённым взглядом Дэвида. Оказывается, он и не думал шутить: в его стране среднее образование не было всеобъемлющим, как у нас: одиннадцати-двенадцатилетние ученики выбирали или «искусство», включавшее историю и литературу, или «науку», то есть математику, физику, химию, биологию.

Вина было выпито немало. Марина пьянела быстро. Только этим она могла объяснить посетившую её постыдную мысль: «Если бы он был близко-близко, и никаких преград между нами...» Её интимная жизнь была на точке вечной мерзлоты, проще сказать – таковой не было совсем. Марина не отказалась от его предложения проводить – минут десять пешком. Проводил до подъезда. Расставаться не хотелось.

– Хотите, я покажу вам типичный старый московский двор?

Вошли в темноту двора, Дэвид повернул её к себе и поцеловал.

– Действительно, очень хочется крепкого кофе. Полцарства – за чашку кофе.

– Растворимый только...

– А я другого и не пью.

Вошли в подъезд, провожаемые взглядом консьержки, поднялись на пятнадцатый этаж. Марина открыла дверь в квартиру, которой теперь уже могла гордиться. Сразу напротив входа была гостиная с аркой и окном во всю ширину стены. Дверь на длинную остеклённую лоджию Марина, когда уходила, оставляла открытой для проветривания. Низкие окна не скрывали так любимый Мариной городской пейзаж – вид на огни и башни Садового кольца. Она не устояла от искушения подвести Дэвида к окну, а он вдруг как-то обмяк, начал оседать на пол.

Марина подтащила стоявшее рядом кресло, зажгла люстру – его лицо было белым, как полотно.

– У меня страх высоты, – прохрипел.

– Кофе?

– Чай, пожалуйста, и покрепче и музыку тихую, если можно. И шторы задерните, пожалуйста.

Он начал глубоко вдыхать в себя воздух. Минут через двадцать лицо порозовело, голос восстановился.

– Простите, думал – избавился, но нет. Акрофобия, называется. Вынужден был прилететь в Москву из-за дочери. Она здесь английский преподаёт. У неё проблемы личного характера. Уладить не удалось. Летел впервые в жизни. Теперь со страхом думаю о новом полёте.

²¹ Б. Ахмадулина «Прощание»

Посидев ещё полчаса, попросил Марину вызвать такси. Было около часа ночи. Такси пришло через десять минут.

– Я могу вам звонить?

– Конечно, – Записала номер в записной книжке и вырвала страницу. Всё равно, менять, столько в ней ненужной информации.

Проводила до лифта, нажала кнопку, дверь закрылась. Вниз – не вверх, доедет.

Вернулась в квартиру. Как-то сразу обессилела, как будто это у неё был приступ той самой акрофобии. Еле доплелась до кровати, рухнула на неё, вспомнила их поцелуй во дворе рядом с мусорным баком, по телу прошла дрожь, застонала, с этим и заснула. Проснулась с чувством острого недовольства собой: как могла она пригласить первого встречного-поперечного варяжского гостя в свой мир одинокой женщины? Сколько ещё ждать, когда уймётся плоть? Режиссёр Эльдар Рязанов, где же смерть желаний?!

Май 2001

Пришёл май. Сразу и неожиданно стало жарко. Открыла окна во двор. Откуда-то доносился Высоцкий: «Париж открыт, – но мне туда не надо». Подумала: «А, может быть, мне туда-то как раз и надо? Скоро отпуск, всё веселее, чем в Турцию одной». В месяц своего рождения Марина старалась уехать куда-нибудь. Когда была замужем – собирала гостей. Осталась одна – с гостями начались проблемы: они ведь общие были, неловко себе забирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.